

НАТАЛИЯ ШИЛО
АЛЕКСАНДР ГЛУШКО

МАРШАЛ

ЖИЗНЬ ОТЕЧЕСТВУ

ТУХАЧЕВСКИЙ

Мозаика
разбитого
зеркала

Жизнь Отечеству

Александр Глушко

**Маршал Тухачевский.
Мозаика разбитого зеркала**

«Центрполиграф»

2014

Глушко А. В.

Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала /
А. В. Глушко — «Центрполиграф», 2014 — (Жизнь Отечеству)

В этой книге авторы решили разобраться в том, что же происходило с неоднократно оклеветанным и оболганным Тухачевским на самом деле. И сделали это на основе исключительно архивных документов. За какое бы направление деятельности маршала авторы ни брались, везде получали информацию, кардинально противоположную той, которую публикуют уже многие годы. Среди обвинений в адрес М. Н. Тухачевского нет ни одного, которое соответствовало бы действительности. Выводы, которые сделали авторы в этой книге, не только развенчивают сложившиеся ложные стереотипы, но и дают право считать целый ряд обвинений в адрес М. Н. Тухачевского обыкновенной ложью.

© Глушко А. В., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Предисловие	7
Предисловие от авторов	8
Глава 11	17
«Мы в походах изучили географию страны...»	18
«По болотам и равнинам гнали панские полки...»	20
Кнут и пряник	21
На рельсы мирного строительства	22
Реконструкция РККА	23
Военная наука и образование	26
Стратегия национальная и классовая	28
Источники и комментарии	29
Глава 2	33
Все поставленные Востфронту задачи восточный фронт имеет возможность разрешить собственными силами	37
Неотступное преследование	43
«Ожидаю от вас активности на правом фланге...»	46
«Крепкая телеграфная перепалка»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Наталия Шило, Александр Глушко

Маршал Тухачевский.

Мозаика разбитого зеркала

К 120-летию со дня рождения Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского

© Шило Н. И., Глушко А. В., текст, 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

Авторы считают своим долгом, выпуская в свет новую книгу, поставить точку и прекратить обвинения в адрес М. Н. Тухачевского хотя бы по некоторым вопросам. Дальнейшее восстановление его доброго имени и полная, основанная на документах реабилитация впереди.

Предисловие

С тех пор как развалился Советский Союз, реабилитированный в 1957 году Маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский словно по чьему-то негласному указанию чуть ли не заново объявлен врагом народа.

За последние двадцать лет, то есть практически за весь период существования Российской Федерации, весьма немногочисленные книги, объективно отражающие события 1920–1930-х годов или, по крайней мере, пытающиеся это сделать, скорее можно считать исключением из общего правила. Основная же масса публикаций так или иначе очерняет и дискредитирует имя одного из самых известных и талантливых военачальников Красной армии.

В феврале 2013 года, когда отмечалось 120-летие со дня рождения Михаила Николаевича Тухачевского, поток клеветы только увеличился. Едва ли не каждое издание, посчитавшее нужным отметить в теме, словно бы считало своим долгом бездоказательно обвинить военачальника чуть ли не во всех смертных грехах.

Очень приятно, что сейчас вышла книга, авторы которой ставили перед собой задачу не очернить или обелить своего героя, а разобраться в происходившем на основании архивных документов.

И выводы, которые делают авторы, не только развенчивают сложившиеся стереотипы по изученным ими вопросам, но и дают право считать целый ряд обвинений в адрес М. Н. Тухачевского обыкновенной ложью.

Приятно, что в нашей стране появляются исторически объективные и обоснованные книги.

Н. А. Тухачевский

Предисловие от авторов

Подмена ценностей, или Странное отношение к историческим фактам

С конца 1980-х годов постепенное размывание устоев СССР, принявшее на определенном этапе обвальный характер, сопровождалось уничтожением идеологической надстройки Советского государства, в том числе официального взгляда на его историю, устоявшегося к концу 1970-х годов.

«Перестроечной» и «либеральной» наукой, но в первую очередь формировавшей общественное мнение политизированной публицистикой под вполне благовидным предлогом «развенчания мифов» и «восстановления истины» методично уничтожалось все, что так или иначе было связано с Советским Союзом. Энтузиазму либеральных публицистов по части ниспровержения могли бы позавидовать большевики образца 1917 года. На месте разрушенных идеологием создавались новые, замещающие.

Справедливость, однако, требует отметить – в те годы для объективного изучения прошлого делалось много бесспорно позитивного. Открылись труднодоступные ранее архивы. Стали публиковаться новые, неизвестные документы, исследоваться проблемы, в прошлом либо не рассматривавшиеся вовсе, либо изучавшиеся в строго заданном ключе. Академические дискуссии стали более свободными, выйдя за рамки жестких, заранее предустановленных идеологических рамок.

Либеральное «восстановление исторической справедливости» самым непосредственным образом затронуло Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского. Он оказался чрезвычайно удобен в качестве мученика, жертвы сталинских репрессий. Но поскольку в рамках либерального мировосприятия все, так или иначе связанное с большевиками и в целом с СССР, преподносилось скорее в негативном ключе, иногда по принципу «чем хуже, тем лучше», М. Н. Тухачевскому вменили в вину участие в подавлении Кронштадтского мятежа и Тамбовского восстания, хотя в советские времена эти сюжеты не только никогда не скрывались, но, наоборот, ставились ему в заслугу.

Впрочем, все современные претензии к М. Н. Тухачевскому по этим двум эпизодам его биографии, вне зависимости от того, из какого политического лагеря они раздаются, отличаются некоторой нелогичностью. Все 1990-е годы прошли на фоне резни на Северном Кавказе, которая продолжается до сих пор, – но подвергается осуждению быстро и эффективно проведенная КТО многолетней давности. Между тем нельзя одной рукой мочить в сортире, а другой – тем же самым возмущаться. Одной рукой реабилитировать участников Кронштадтского мятежа, другой – расстреливать собственный парламент. Однако бог с ними, с политиками, имеющими «немножко беременную голову»...

Показательными в этом плане стали попытки авторов настоящей книги завязать отношения с московским «Мемориалом». В издаваемой им газете «30 октября» охотно приняли к публикации статью, посвященную 75-летию гибели маршала, и отказались брать материал по тамбовским газам как неформат. Мы полагали, что лишних людей у нас нет, но и лишних трупов нам не нужно. В «Мемориале», очевидно, посчитали как-то иначе.

В тех же 1990-х годах на почве «переоценки ценностей» в России появились свои неонархисты, а также многочисленная когорта симпатизирующих Белому движению как несостоявшейся альтернативе. И те и другие упрекали М. Н. Тухачевского за большевистский выбор, поскольку воспринимали большевиков как нелегитимный режим и безусловное зло.

Приблизительно с начала нулевых в обществе обозначилась и постепенно стала проявляться все более отчетливо обратная тенденция, которую условно можно сравнить с «тоской по

потерянному раю» – некоей полумифической великой державе. Главная причина этой тенденции лежит за пределами не только исторической науки, но и вообще прошлого, ибо коренится в настоящем и о настоящем говорит гораздо больше, нежели о прошлом. Острое разочарование в результатах внедряемой в 1990-х годах либеральной экономической модели и, как следствие, предложенных тогда же демократических ценностей и идеалов породило в обществе реакцию отторжения. Лейтмотив большинства нынешних ревизионистов «просоветского» направления – обида, которая сродни обиде ребенка, которому вместо обещанной конфетки дали подзатыльник. «Назад, в светлое прошлое!» – это реакция людей, ощутивших себя униженными и ограбленными, лишенными, по выражению Захара Прилепина, и космоса над головой, и твердой почвы под ногами.

На этом фоне в общественном сознании происходит постепенная реабилитация И. В. Сталина. Современная неосталинистская мифология, создаваемая и эксплуатируемая политиками и публицистами самой разной идеологической ориентации, строится на контрастном сравнении неких реальностей сегодняшнего дня с мифами о сталинском времени. Причем последнее представляется исключительно как эпоха успехов и подъема во всех сферах жизни. Правда, для того чтобы такая идеологема выглядела убедительно, репутацию «вождя народов» потребовалось отретушировать и отлакировать. Террор, ГУЛАГ, коллективизация, массовый голод, депортации целых народов, катастрофа начала Великой Отечественной и другие страницы отечественной истории сталинского периода, которые могут вызвать лишь горечь и боль, но никак не чувство гордости, либо преуменьшаются, либо оправдываются. Зато воспеваются «эффективный менеджер», который модернизировал СССР и победил нацистскую Германию. При котором народ и партия строили великую страну, а чиновники якобы не воровали.

Само собой понятно, что ни один из ныне сожалеющих, что сейчас не тридцать седьмой год, хотя сам, как правило, в роли палача выступать не хочет, но и в качестве жертвы себя не представляет. Тем более что сейчас действительно не 1937 год, поэтому не расстреляют, что в любом случае очень удобно.

Причем если конец 1980-х – 1990-е годы дали хоть что-то объективно конструктивное, то в данном случае – увы, практически ничего, кроме вытасченного из нафталина богатейшего арсенала пропагандистских приемов и штампов, прямо заимствованных из советской риторики 1930-х годов. Даже при наличии видимого наукообразия все печатные работы неосталинистского направления характеризуются одним общим свойством – подгонкой имеющихся документов и фактов под заранее заданную схему. То есть не концепция выстраивается на основе всей совокупности фактов, а, наоборот, факты подбираются под концепцию, а все лишнее отсекается.

Это не наука, а агитка. Причем успешно работающая и позволяющая использовать ее в своих, далеких от истории целях. Ярким тому примером является один из самых популярных ныне неосталинистов С. Е. Кургинян, занявшийся политикой с создания общественного движения «Суть времени». А после того как к Сергею Ервандовичу на Всероссийский родительский съезд явился сам Владимир Владимирович, можно не сомневаться, что дела у него не просто хороши, но даже и еще лучше.

Еще одна причина относительной успешности ползучей реабилитации И. В. Сталина состоит в том, что она наложилась на очередные попытки государственного агитпропа создать идеологическую оболочку для государства нынешнего. Россия в очередной раз мечется в попытках отыскать собственную идентичность. В результате получился коктейль государственно-охранительного консерватизма, своего рода модернизированный вариант старой триады «самодержавия – православия – народности». На роль «государственника» отретушированный И. В. Сталин вполне подошел. Эту тенденцию особенно чутко уловили те претенденты на роль «властителей дум», чье персональное благополучие зависит от способности держать нос по ветру.

Этот крен затронул М. Н. Тухачевского самым непосредственным образом. Потому что в рамках неосталинистского мифа просто так никого не сажали и не расстреливали, а раз расстреляли – значит, было за что. В ход пошли конспирология и шпионские страсти по гипотетической пятой колонне. Любителей таковых зачастую не смущает даже, что заговор они ищут в качестве самоцели. Тогда как цель его, официально сформулированную в обвинительном заключении, они зачастую деликатно обходят стороной или подменяют совершенно другой.

Параллельно с таким лобовым, вульгарным подходом имеется и более тонкий, косвенный. Маршала выставляют чуть ли не идиотом, который ассоциируется исключительно с Польшей, Тамбовом, всякими авантюрами и заговором. Суть состоит в том, чтобы донести до общественности мысль, что в июне 1937 года мы все равно ничего не потеряли. Потому что расстреляли авантюриста, бездаря, военного преступника – в общем, не жалко... «Бабы новых нарожают», причем таких же в точности.

В итоге все общественные дискуссии на исторические темы так или иначе превращаются в гонку политиков за место под солнцем, СМИ за рейтингом, политологов и журналистов за личной популярностью и – проза жизни (!) – гонорами.

Готовность перестать метаться, трезво и спокойно взглянуть на свое прошлое и оставить его там, где ему и положено, то есть в прошлом, – это признак уверенности в себе на экономическом, политическом, культурном и, если угодно, психологическом уровне. Всего этого у нас, к сожалению, не наблюдается.

А что же, спрашивается, академическая наука? Увы... Во-первых, гуманитарные науки в целом в силу самых различных причин сейчас находятся практически в параличе. Во-вторых, если подходить с позиции плана по валу – а общественное мнение формирует именно массовость, наука неконкурентоспособна в сравнении с фолк-хистори или тем более публицистикой, ибо требует долгого и кропотливого труда, тогда как околону научное чтиво печется со скоростью, которая серьезным ученым недоступна.

Поэтому, несмотря на определенное количество лучей света в темном царстве, в целом мы имеем то, что имеем.

На протяжении длительного времени в нашей стране происходит ситуация, при которой самыми читаемыми стали книги, написанные теми, кто лишь называет себя историками, но ими не является. Многие из них не провели ни одного часа в архиве и не видели в глаза ни одного архивного документа, однако это их не останавливает от желания претендовать на истину в последней инстанции и на роль дирижеров в посмертном отношении к тому или иному историческому персонажу.

Но что самое удивительное, так это то, что огромное количество народа читает их работы и верит написанному в них. Хотя если в книге вместо научно-справочного аппарата представлен лишь перечень использованной, в основном низкопробной, литературы (а зачастую и он отсутствует), то любые аннотации о сенсационном материале – не более чем блеф, рассчитанный на непритязательных и нетребовательных читателей. Как странно, что нам, профессиональным историкам, проводившим много месяцев в разных архивах, расположенных в разных городах, а порой и странах мира, все сложнее и сложнее становится доказывать (на основании документов, а не голых утверждений) те или иные факты в истории человека, организации, города, области, страны...

Возникает вопрос: почему происходит подобное смещение в сторону пустых выкриков заинтересованных в искажении фактов и событий людей? На этот вопрос есть только один ответ: реальная история не всегда такая, какой ее хотят видеть, поэтому легче принимать на веру то, что приятно, нежели то, что было на самом деле. А если интерпретацией истории занимаются еще и те, кто либо сам, либо его предки замазаны неблагоприятными поступками, то понятно, что в таком случае ожидать объективного признания нелицеприятных фактов крайне

трудно. Тогда и возникает желание найти стрелочника, который сам себя защитить уже не может или за которого никто не вступится.

Да, когда расследованием подобных событий занимаются действительно с объективных точек зрения, а не с позиции как «вкуснее», так я и выверну, тогда интерес к этим темам со стороны не потомков участников событий может только приветствоваться и поддерживаться всеми силами. До тех же пор, пока у нас не научатся думать, перед тем как обвинять, сначала пытаться разобраться в случившемся, а потом уже выносить свои решения и особые мнения, не основанные, кстати, ни на чем, кроме собственных домыслов и фантазий, «независимым историкам» этих тем лучше не касаться. К сожалению, найти честных и объективных, да еще таких, кому бы это было действительно интересно и нужно, сейчас практически невозможно.

Можно привести немало примеров необъективного отношения к событиям прошлого.

Так, несколько лет назад в журнале «Российский космос» один из авторов этой книги опубликовал статью «Враг народа Королев», в которой рассказывалось о том, кто, как, зачем и почему посадил Сергея Павловича в тюрьму. После предоставления в редакцию материала случилось одно поучительное происшествие. Во время работы над статьей оттуда были не только выброшены эпиграфы, чем-то не понравившиеся редактору, но еще и сократили копию второй части доноса одного из пионеров космонавтики М. К. Тихонравова, который он написал на С. П. Королёва. Когда же автор позвонил туда и спросил, почему это было сделано, ему ответили, что они тогда не знают, как будут смотреть в глаза дочери этого доносчика.

Вот интересно, получается, что в глаза потомков тех, кто пострадал от доносов, можно смотреть, а в глаза детей доносчиков – нельзя. Может, это им должно быть стыдно, а не нам? Не мы же писали эти доносы.

При такой странной политике мы скоро окажемся в ситуации, когда за доноительство начнут давать ордена и ставить подобное в пример остальным. Россия вернется к тем временам, когда самой почетной профессией в стране была профессия портного. Ведь большинство населения либо строчило... доносы, либо шило... дела.

Подобный случай получился и с газетой «Совершенно секретно», в которой опубликовали интервью космонавта А. А. Леонова, утверждавшего, словно очевидец событий, о том, что С. П. Королёв был арестован потому, что И. Т. Клеймёнов, Г. Э. Лангемак и В. П. Глушко написали на него доносы.

Этот факт тоже не имеет документальных доказательств, однако это не помешало газете совершенно спокойно опубликовать это высказывание космонавта, даже не спросив с него документального подтверждения сказанного.

Когда же один из авторов настоящей книги попытался опубликовать опровержение, то ему не только пришлось два месяца доказывать, что это необходимо, но и перед публикацией с него потребовали документы, его слова подтверждающие.

Возникает вопрос: это что, оклеветать человека можно без документов, а доказать невиновность – только при их наличии?

Но вернемся к ситуации в целом. На наше счастье, среди авторов книг есть те, кому не только можно, но и необходимо верить, ибо их книги написаны на много раз проверенных и подтвержденных документами фактах.

Кстати, что касается документов. С ними тоже не все так просто. Беря в руки письмо, показания или простую записку, приказ или рецензию, нужно понимать – кто, где, когда, при каких обстоятельствах, зачем и на кого именно это написал. Тогда, зная, что происходило в жизни между этими людьми, можно сделать вывод, что это за бумага и можно ли ей верить.

В качестве примера можно взять протокол допроса, подписанного в НКВД арестованным врагом народа. Можно ли его считать за доказательство вины? Сколько в нем процентов правды? Сам ли подследственный давал эти показания? И так далее. Вопросов масса. Для большинства нынешних авторов и пары таких протоколов хватит, чтобы раструбить на всю

страну, что и «заговор» очередной был и что все «враги народа» – действительно враги народа. Но для того, кто очень хорошо знает, что тогда происходило, это кладёшь для понимания того, как все это создавалось, фальсифицировалось и, выдаваясь за истину, потом преподносилось остальным, да так преподносилось, что почти ни у кого не оставалось и тени сомнения, что это правда.

Не верили единицы, чувствующие ложь, или же... прошедшие сквозь это и понявшие цену подобным заявлениям, но не имеющие никакой возможности что-то изменить.

Но почему-то большинство людей скорее поверят тем, кто нигде не был и ничего не видел, чем тем, кто прошел через это все сам и своей шкурой прочувствовал всю прелесть застенков НКВД.

И в этом наша трагедия.

Когда говорят, что «об этом не принято говорить, но есть документы, что Редькин писал на Соседкина...», и при этом на просьбу родственников Редькина предъявить эти документы отвечают: «Они есть...» А остальные молчат, будто так и надо. Человека оклеветали, и все в полном порядке. А родственники – им (почему-то) всегда нужны доказательства очевидного.

Чтобы показать всю серьезность ситуации, приведем пример бездоказательных обвинений, объявленных изначально как аксиома, – в отношении Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского и академика В. П. Глушко.

Вы спросите: при чем здесь академик В. П. Глушко? Ответим: арестом М. Н. Тухачевского до сих пор пытаются объяснить в том числе и арест В. П. Глушко, а в доносах на В. П. Глушко было написано, что он родственник или племянник М. Н. Тухачевского.

В книге В. П. Мещерякова «Сталин и заговор военных 1941 г.», рассказывающей об очередном «заговоре» в Красной армии, было написано, что наличие заговора в РККА в 1937–1938 годах не вызывает сомнений, потому как уже давно доказано, что он был. И одним из доводов этого приводится книга журналиста В. А. Лескова, который много им занимался и доказал его наличие. Речь шла о книге «Сталин и заговор Тухачевского». Мы читали как сам этот «шедевр», так и то, на основании чего он был сочинен. Сплошная беллетристика, статейки сомнительного содержания, книги, написанные по принципу вариаций на тему. И ни одного архивного источника. *Ни одного.*

Нас всегда, как говорят в Одессе, улыбают книги, в аннотации которых написано, что это книга-сенсация, а в источниках – пустота или одна желтая пресса. Возникает вопрос: откуда она, эта сенсация – из пальца или с потолка?

Но это не останавливает ни писателей, ни читателей. Одни зарабатывают деньги на том, что топят других, а вторые, принимая все за чистую монету, верят любой грязи и не желают принимать обратную точку зрения. Этот факт говорит еще и о необъективности и тех, кто пишет, и тех, кто читает. Обычно когда разбирается какой-то конфликт, то выслушиваются обе его стороны, а здесь одной можно все, а вторую можно и не слушать, с ней и так все ясно.

В результате получается и «заговор» в РККА, и мифические сто тысяч танков и десятки тысяч отравленных газом людей. И стоило написать об этом одному провокатору, как за ним эти данные подхватили и все остальные, даже не утруждая себя разбирательством и изучением документов или матчасти.

Хотя, конечно, и документы опасное оружие, особенно в безграмотных или подлых руках. Взять, например, протоколы допросов подследственных конструкторов из первого в мире Реактивного института. Такие люди, как «очевидец тех событий» космонавт А. А. Леонов, который сам все «видел своими глазами», а потому смело режет правду-матку прямо в лицо (с телевизионного экрана или со страниц различных газет), считает их доносами и говорит об этом так: «Клейменов, Лангемак и Глушко собрались и написали доносы на Королёва...» И естественно, что на их основании его и посадили.

Теперь представим себе ситуацию, при которой, находясь в состоянии многодневного прессинга, недоедания, избиения и издевательств со стороны следователей, эти три человека собираются и пишут доносы на С. П. Королёва.

Возникает вопрос: а смысл? При чем здесь С. П. Королёв? Кроме того, если они собрались, значит, делали это вместе, если делали это вместе, значит, до своего ареста. А какой смысл директору института, его заместителю и одному из ведущих инженеров, подчинявшемуся напрямую директору, писать доносы на начальника отдела, который прекрасно выполнял свою работу и ни на что не претендовал? И что самое главное – где эти доносы? Начиная с 1938 года в делах они уже появляются. Но в деле Королёва нет ни одного доноса, написанного кем-либо до его ареста. Тогда как в деле В. П. Глушко их больше десяти. А один из них, написанный С. С. Смирновым, как раз на С. П. Королёва.

Еще одним свидетельством вины этих людей является выписка из обвинительного заключения по делу С. П. Королёва, где написано, что они свидетельствовали против него. Этот документ приведен в книге Я. К. Голованова о Королёве. И это слово «свидетельствовали» является для А. А. Леонова определяющим в навешивании ярлыков.

Да, будучи представителем озлобленной части населения планеты, желающим свести счеты с кем-то конкретным, он пользуется этим, преследуя свои личные цели, но ведь так же подумают следом за ним и остальные люди, которые прочитают или услышат сказанное им. Они не потребуют весь комплекс документов. И, несмотря на то что большинство из них уже давно опубликовано, они даже не посмотрят в их сторону, а сочтут правдой то, что сказал им кумир детства многих.

И сколько потом ни приводи документов в опровержение бездоказательных обвинений, все будет бесполезно.

Странно, но даже в этой ситуации никто не обратил внимания на то, что есть еще один документ, в котором написано, что и В. П. Глушко тоже изобличается показаниями С. П. Королёва. Не то, что С. П. Королёв тоже свидетельствует, а уже изобличает, что еще хуже. Но так можно пойти очень далеко, начиная сводить счеты, используя только формулировки, годные для обвинений друг друга в доносительстве, не понимая того, что там происходило на самом деле, и отметая условия и все остальные документы, сопутствовавшие этим.

Но давайте посмотрим на всю эту ситуацию шире. Если заниматься разбором этих документов, то заниматься серьезно. Тогда начнем с момента ареста. И. Т. Клеймёнов и Г. Э. Лангемак были арестованы в ночь с 2 на 3 ноября 1937 года и подписали первые показания, в которых В. П. Глушко и С. П. Королёв значились следующими кандидатурами на аресты 16 и 15 декабря (соответственно). Потом, 23 марта 1938 года, арестовали В. П. Глушко, и от него были получены очередные показания уже на С. П. Королёва. А 27 июня 1938 года арестовали С. П. Королёва. Причем никто не обратил внимания на то, что в опубликованном дочерью постановлении на арест написано, что причиной ареста являются показания только И. Т. Клеймёнова и Г. Э. Лангемака, тогда как фамилия В. П. Глушко там не упоминается вовсе. И первый раз ее вспоминают только в одном из протоколов допросов С. П. Королёва. Тогда как показания С. П. Королёва в деле В. П. Глушко муссируются из протокола в протокол.

Но что же это за показания, которые были подписаны на следствии этими людьми, когда они, как утверждает космонавт А. А. Леонов, «собрались и написали...»?

И. Т. Клеймёнов подписал, что в состав организации, кроме него, входили еще несколько человек, в том числе: Г. Э. Лангемак, В. П. Глушко и С. П. Королёв.

Г. Э. Лангемак подписал пространный рассказ о том, как В. П. Глушко и С. П. Королёв все портили и вредили, а инженер А. Г. Костиков все чинил и «выдавал на-гора».

В. П. Глушко подписал показания о том, как он советовал, настаивал и вынуждал С. П. Королёва делать определенные вещи, то есть, понимая, что его арестуют, выгораживал своего товарища, беря всю вину на самого себя. И именно из-за этого его показания никак не

могли повлиять на арест С. П. Королёва. В них не было состава преступления. А большего они добиться от В. П. Глушко не смогли.

Что касается показаний самого С. П. Королёва, то не будем его судить за то, что написано в протоколе его допроса, тем более что уцелевший (как и С. П. Королёв) В. П. Глушко считал Сергея Павловича невиновным в том, что ему пришлось подписать.

Теперь давайте рассмотрим, в каких условиях следователи получали эти показания. По прошествии нескольких бессонных дней, голодного и сильно избитого подследственного, после очередного ведра холодной воды, вылитого на него, чтобы тот пришел в себя, затаскивали на стул, так как стоять он уже не мог, и предлагали... Либо он подписывает то, что от него требуют, либо приводят его жену и малолетних дочек или сыновей, насилуют на его глазах.

Большинство людей ломалось на допросах. Интересно, в какой момент ломаются те, кто говорит, что арестованные тогда были врагами и их правильно расстреляли? Если окажутся на их месте... Начиная с А. А. Леонова, В. А. Лескова, А. И. Колпакиди, В. П. Мещерякова и подобных обличителей и авторов книг-сенсаций о заговорах – в Красной армии, промышленности, науке. Что они тогда будут петь следователям на допросах и скольких людей заложат?

Академик В. П. Глушко говорил, что «ни один порядочный человек, прошедший через этот ад, никогда не станет обвинять другого, что-либо на него подписавшего, потому как он прекрасно знает, какими средствами были получены эти показания и каким унижениям там подвергался человек. Я более чем уверен, что никто из вас, здесь присутствующих, не может даже и предположить, как он поведет себя в той ситуации, поэтому все ваши утверждения, что вы ничего не подпишете и, ничего не признав, выйдете на свободу, пусты...».

И каковы итоги?

Наши современники не понимают, что большинство книг написано именно такими писателями от фолк-истории, как В. А. Лесков, А. И. Колпакиди, В. П. Мещеряков и им подобные, которые делают свои выводы, вырывая куски фраз из контекста и выворачивая их в угоду той цели, которую они преследуют, а читатели верят и, сложив уже свое мнение, менять его не желают. Но если раньше так поступали в основном выскочки типа В. А. Лескова и компании, то в последнее время делать заявления о поступках и делах людей, не имея для этого никаких доказательств, стали и такие историки, как А. Б. Мартиросян, который все же провел некоторое время в архивах и знаком с таким понятием, как «архивный документ».

Эти факты говорят о том, что история как наука полностью вырождается и скоро в школах будут ставить оценки на основании хорошего знания содержания статей таких изданий, как «Желтая газета», «Жизнь», «СпидИнфо» и проч.

В чем кроется причина этого? Видимо, в том, что со школьной скамьи перестали учить критически мыслить и элементарно проверять информацию.

Как результат подобного образования, интерес для читателей представляет только жареная ложь. Тогда как правду печатать не хочет никто. В России выгодно клеветать на людей, а не восстанавливать справедливость. Недавно было решено создать комиссию по восстановлению истинных причин и событий, связанных с Великой Отечественной войной. В связи с происходящим мы прекрасно представляем, как там наводят историю.

В феврале 2013 года исполнилось 120 лет со дня рождения М. Н. Тухачевского. Многие средства массовой информации мимо этого события не прошли. К сожалению, большая часть того, что было массовым тиражом предъявлено общественности, представляло собой смесь мифологии с банальными фактическими ошибками.

В нашей книге мы ставили своей задачей не облить еще раз грязью и так уже неоднократно оклеветанного человека, а постараться спокойно разобраться в том, что же произошло на самом деле. При этом решили разбираться на основе исключительно архивных документов, используя прочую литературу как дополнение, и то только в той части, где она совпадает с документально зафиксированными событиями.

Занимаясь этой работой, мы пришли к очень интересным выводам: за какое бы направление деятельности Михаила Николаевича мы ни брались, везде мы получали информацию, кардинально противоположную той, которую публикуют уже многие годы подряд.

Получается, что среди обвинений, написанных или выкрикнутых в адрес М. Н. Тухачевского, нет ни одного, которое бы соответствовало действительности. Такое положение вещей говорит о том, что все эти обвинения – КЛЕВЕТА! Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Работая над книгой, мы не стремились охватить абсолютно все стороны жизни и деятельности маршала. Постановка задачи подобным образом была бы с нашей стороны чересчур самонадеянной. В качестве объектов для исследования было выбрано несколько сюжетов – с одной стороны, спорных (Тобольско-Петропавловская операция, химическое оружие в Тамбовской губернии и уголовное дело), с другой – малоизвестных (авиамотопарашютные десанты).

Одновременно мы обратились за помощью к профессионалам, чтобы проверить, правы ли мы в своих выводах или только заблуждаемся. Именно поэтому была проведена экспертиза в научном центре ФГКУ «33-й ЦНИИ МО РФ» по вопросам, касавшимся тамбовских событий.

И привлекли еще нескольких историков, специализирующихся на истории Гражданской войны. Вот несколько выдержек из их отзывов к главе, посвященной Тобольско-Петропавловской операции.

Военный историк Н. А. Заяц: «Работа очень хорошая, разумеется, в первую очередь своим скрупулезным вниманием к мелким деталям и основой в виде большого массива документов. Пошаговое рассмотрение всей операции в общем контексте не оставляет места для недомолвок и непониманий. Откровенно говоря, такой большой материал с интересными деталями и неожиданными находками порождает много любопытных вопросов... Это предмет для отдельного разговора...

Я и до этого считал, что Тухачевский куда приличнее и способнее в военных вопросах, чем кажется, и этот материал меня окончательно в этом убедил... Такой материал должен быть доступен науке».

Военный историк Е. Н. Дурнев: «Статья реально сильная, с большим количеством документальных данных, с собственными аналитическими разборами».

Любопытно отметить, что рецензент на основании частных эпизодов данной операции пришел к обобщающему выводу, что дальнейший успешный карьерный рост М. Н. Тухачевского, в сущности, был вполне закономерным.

«Я бы коснулся в связи с возвратом 5-й дивизии следующего вопроса, характеризующего Ольдерогге. Во-первых, Ольдерогге действительно в данной ситуации выступает как передатчик... он, если вчитаться, лишь ретранслирует формулировки Тухачевского наверх. И это, кстати, как раз важный момент, характерное отличие многих старых военспецов от молодых военачальников, выдвинутых Гражданской войной. Тухачевский в критической ситуации не боится рискнуть, взять ответственность на себя и под свой страх и риск ввести в бой 5-ю дивизию, предназначенную уже к переброске на другой фронт, – и в общем-то реакция Каменева показывает, что он прав в той ситуации. Ольдерогге же стремится подстраховаться, сначала согласовать с вышестоящим начальством, он и в разговоре запрашивает разрешения, но не упоминает, что дивизия уже введена в бой. Для него это уже нарушение субординации. Характерный пример – из тех же разговоров – Тухачевский просит проговорить с главкомом вопрос 21-й дивизии и прямо говорит, что ее нужно задержать. И действительно – уже через несколько дней оставшиеся четыре полка этой дивизии будут введены в бой. А Ольдерогге, в свою очередь, в разговоре ставит этот вопрос очень обтекаемо, говорит лишь о том, что отправку дивизии на другие фронты придется задержать из-за транспортных проблем с переброской 35-й дивизии... Именно это присуще многим военспецам... стремление пригладить ситуацию, авось рас-

сосет, и слать до поры до времени наверх красивые реляции, вводя тем самым в заблуждение вышестоящие инстанции. Проблема, оставшаяся еще с ПМВ. А когда не рассосалось, то начинают сразу паниковать. А тот же Тухачевский – и это факт в его пользу – острые вопросы ставит сразу же, при этом отвечает весьма аргументированно, с цифрами. Любопытный пример с транспортными расчетами – Тухачевский обоснованно, с расчетами, мотивирует возможность задержать 5-ю дивизию, а когда приперло Ольдерогге и он начинает спешно трясти все возможные и невозможные резервы, Каменеву приходится его осадить, указав как раз на то, что он не сделал простейших расчетов, показывающих невозможность переброски запрашиваемых тем резервов.

В общем, когда груз ответственности не лежит на Ольдерогге, тот хорошо выполняет свои функции, и его квалификацию можно использовать (не зря Фрунзе взял его впоследствии к себе) – но в сложной ситуации Тухачевский показал себя все же лучше – и не зря именно Тухачевского затем перебрасывают на сложные участки (Кавказский, Западный фронты), его карьера идет по нарастающей – а у Ольдерогге наоборот».

Авторы считают своим долгом, выпуская в свет новую книгу, поставить точку и прекратить обвинения в адрес М. Н. Тухачевского хотя бы по некоторым вопросам. Дальнейшее восстановление его доброго имени и полная, основанная на документах, реабилитация впереди.

Пользуясь случаем, авторы выражают самую искреннюю признательность и благодарность всем, кто добросовестно и бескорыстно оказывал помощь в работе над книгой, в поиске материалов, давал полезные советы и оказывал моральную поддержку:

- родственникам маршала А. Н. Тухачевскому, М. Н. Тухачевской и Н. А. Тухачевскому;
- лидеру команды «Несчастный случай» А. А. Кортневу;
- заместителю начальника войск РХБЗ по вооружениям и НИР полковнику С. Г. Кикотю;
- научным сотрудникам научного центра ФКГУ «33-й ЦНИИ МО РФ» полковникам Н. А. Дьякову, В. В. Клименко, А. А. Родионову;
- научному сотруднику Института физической химии и электрохимии имени А. Н. Фрумкина РАН А. С. Бобкову;
- начальнику Музея истории войск РХБЗ полковнику Ю. И. Борисову;
- военным историкам Е. Н. Дурневу, Н. А. Зайцу, Э. М. Мкртчяну, А. Н. Осокину;
- начальнику Института военной истории Министерства обороны РФ генерал-майору А. А. Кольтюкову;
- сотрудникам РГАСПИ и РГВА;
- Герою Советского Союза, летчику-космонавту СССР А. П. Арцебарскому;
- В. И. Борисовой, Л. С. Яновичу.

Авторы

Глава 1¹

Краткий биографический очерк

Михаил Николаевич Тухачевский родился 4 (16) февраля 1893 года в имении Александровское Дорогобужского уезда Смоленской губернии (ныне Александровское-Следнево Сафоновского района Смоленской области) в дворянской семье. В 1914 году фельдфебелем окончил престижное Александровское военное училище в первой десятке лучших выпускников и был зачислен в лейб-гвардии Семеновский полк. Участвовал в Первой мировой войне в чине подпоручика, неоднократно награждался за личную храбрость. В феврале 1915 года в ходе Праснышской операции на Северо-Западном фронте попал в плен под Ломжей. В августе 1917 года, после неоднократных неудачных попыток, бежал из Германии в Россию. По возвращении из плена был представлен на капитана.

«Мы в походах изучили географию страны...»

После Октябрьской революции М. Н. Тухачевский добровольно перешел на сторону советской власти и вступил в Красную гвардию, став в ней одним из первых военных специалистов. С марта 1918 года работал в военном отделе ВЦИК. В апреле 1918 года вступил в партию большевиков. С мая 1918 года назначен военным комиссаром обороны Московского района.

В июне – декабре 1918 года командовал 1-й армией Восточного фронта в Поволжье, ставшей, как отмечали современники, первым регулярным соединением в РККА. В рамках фронта провел серию успешных наступательных операций (Симбирскую – сентябрь; Сызрань-Самарскую с 14 сентября по 8 октября; Стерлитамакскую в декабре 1918 года) против Народной армии Комитета учредительного собрания и чехословацкого корпуса, за что был удостоен первой советской награды – золотых часов с надписью: *«Храбром и честному воину Рабоче-Крестьянской Красной армии от ВЦИК. 7.X.1918 г.»*.

С декабря 1918 года по январь 1919 года – помощник командующего Южным фронтом, в январе – марте 1919 года – командующий 8-й армией Южного фронта. В этом качестве одним из первых предложил военно-политическому руководству Советской республики оперативную идею действия главными силами Южного фронта против Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) через Донецкий бассейн на Ростов по кратчайшему направлению и по линии потенциально наименьшего сопротивления противника при безопасном тыле². Эта идея впоследствии была успешно реализована силами Южного фронта в ходе осенне-зимнего наступления против ВСЮР 1919 года, в результате чего войска ВСЮР были отброшены от линии Орла и Курска частично на территорию Украины, частично в Ростовскую область.

С 5 апреля по 25 ноября 1919 года М. Н. Тухачевский – командующий 5-й армией Восточного фронта. В ходе начавшегося в марте 1919 года наступления колчаковских войск армия была практически полностью разгромлена, на ее участке красный фронт был прорван. Таким образом, М. Н. Тухачевскому при назначении командармом-5 предстояло сыграть роль «кризис-менеджера» – остановить отступление, не допустив выхода противника к Волге, привести армию в порядок и подготовить к нанесению контрудара. Армия в составе Южной группы (командующий М. В. Фрунзе) принимала участие в весеннем наступлении Восточного фронта против Западной и Сибирской армий А. В. Колчака, где сыграла решающую роль в Бугурусланской (28 апреля – 13 мая) операции против Западной армии, сорвав план выхода колчаковцев к Волге и не допустив соединения их с А. И. Деникиным, чего всерьез опасалось военно-политическое руководство Советской республики. Успешно проведенные 5-й армией Белебейская (15–19 мая), Уфимская (25 мая – 20 июня), Златоустовская (26 июня – 13 июля) и Челябинская (17 июля – 4 августа) операции привели к очищению от белых Поволжья, Урала и выходу к Западной Сибири. Начавшаяся для красных неудачно Тобольско-Петропавловская (20 августа – 1 сентября, 1 сентября – 13 октября, 14 октября – 4 ноября) операция (причинами неудач послужили общая недооценка Главным и фронтовым командованием способностей колчаковцев к сопротивлению, а также ошибочные оперативные решения фронтового командования) завершилась поражением Западной армии (3-й неотдельной / Московской группы) белых и очищением междуречья Тобола и Ишима, открыв дорогу на Омск. В ходе Омской операции (4–14 ноября) части 5-й армии (27-я стрелковая дивизия) первыми заняли столицу Колчака.

За командование 5-й армией М. Н. Тухачевский был награжден орденом «Красное Знамя» РСФСР (август 1919 года)³. *«Доблестные войска 5 армии под искусным водительством командарма т. Тухачевского после упорнейших боев, разбив живую силу врага, перешли через Урал. Бугуруслан, Бугульма, Бирск и Златоуст пали под нашими ударами благодаря смелым, полным риска, широким маневрам армии, задуманным т. Тухачевским. 24 июля*

1919 г. геройскими частями 3 бригады 27 стрелковой дивизии взят Челябинск. Огромный успех, достигнутый армией, является результатом, главным образом, талантливо созданного т. Тухачевским плана операции, который твердо проведен им в жизнь», – отмечалось в наградном приказе РВСР за подписью заместителя председателя РВСР Э. М. Скланского, Главкома С. С. Каменева и члена РВСР С. И. Гусева⁴. Позднее командарм-5 был награжден Почетным Золотым оружием с орденом «Красное Знамя» «за личную храбрость, широкую инициативу, энергию, распорядительность и знание дела, проявленные им при победоносном шествии доблестной Красной армии на Восток, завершившемся взятием города Омска» (декабрь 1919 года)^{5,1}.

Вместе с тем, понимая, что основная работа по разгрому А. В. Колчака на Восточном фронте, по существу, уже сделана, а главные события разворачиваются на Юге, М. Н. Тухачевский, еще будучи командармом-5, несколько раз напоминал высшему военно-политическому руководству республики о себе в контексте событий на Юге, а 22 октября 1919 года прямо обратился к председателю РВСР Л. Д. Троцкому с просьбой перевести его на Южный фронт⁶.

В феврале – апреле 1920 года М. Н. Тухачевский командовал Кавказским фронтом, которому предстояло завершить разгром ВСЮР, не допустив возможности реванша. Под его руководством проведена Северокавказская операция, в ходе которой 10-я и 1-я Конная армии ударом на станицу Тихорецкая и одноименную железнодорожную станцию в стык между Донской и Кубанской армиями отсекли последнюю от главных сил ВСЮР (Кубанская армия капитулировала 18–20 апреля), а оставшиеся армии фронта выбили Добровольческий корпус и Донскую армию из Ростовской области. Операция, превентивным ударом сорвав планы деникинцев на собственное наступление, завершилась общим отступлением остатков ВСЮР за реку Кубань. Фронтная Кубано-Новороссийская операция занятием Новороссийска в марте 1920 года завершила разгром Вооруженных сил Юга России.

Вскоре, 22 мая 1920 года, М. Н. Тухачевский приказом РВСР № 688 причислен к Генеральному штабу.

¹ Все цитаты приводятся с сохранением стилистики, орфографии и пунктуации документа. (Примеч. авт.)

«По болотам и равнинам гнали панские полки...»

В апреле – августе 1920 года во время советско-польской войны командовал Западным фронтом.

Как отмечалось в советской военной литературе 1920-х годов, военными причинами поражения РККА явились: а) отвлечение, вопреки первоначальным планам, основных сил Юго-Западного фронта на направление, второстепенное для конечных целей всей кампании; б) эксцентрическое расхождение операционных линий («удар растопыренными пальцами»), вызванное рассогласованностью действий Главного командования, командования Западного и Юго-Западного фронтов накануне решающей Варшавской наступательной операции; в) общая усталость войск Западного фронта, недостаток живой силы и боеприпасов при невозможности своевременного подвоза по условиям тыла и состоянию железных дорог; г) бедность РККА средствами связи при подавляющем превосходстве поляков (вскоре после войны стало известно о расшифровке поляками кодов, с помощью которых шифровались телеграммы и переговоры высшего военного командования РККА, что давало возможность польскому командованию следить за оперативными планами Западного и Юго-Западного фронтов); д) общая хозяйственная разруха Советской республики; е) переоценка степени разгрома польских вооруженных сил и недооценка оборонительных ресурсов Польши.

Причины поражения в войне служили предметом длительного разбирательства между военными специалистами, особенно в контексте взаимодействия между Западным и Юго-Западным фронтами⁷.

Впоследствии, отвергая обвинения в «излишнем оперативном оптимизме» в свой персональный адрес, М. Н. Тухачевский напоминал И. В. Сталину, что решение продолжать войну и штурмовать Варшаву принималось высшим политическим руководством страны: *«Ленин информировался партийными организациями фронтов, непрерывно лично сносился с членами ЦК на фронтах. Ленин знал трудности, но все же ставил задачу овладения Варшавой. Недопустимо выставлять Ленина плетущимся в хвосте «горе-стратегов»... Ленин говорил: «Варшава считалась почти погибшей для Польши» (1. Ленин, XVII, стр. 311) «Оказалось, что война дала возможность дойти почти до полного разгрома Польши, но в решительный момент у нас не хватило сил» (1). «Наша армия показала, что большая, но разоренная советская страна летом 1920 года была в нескольких шагах от полной победы» (2. -//– 349)»⁸.*

Политические оценки хода и итогов войны были даны В. И. Лениным и IX конференцией РКП(б) в сентябре 1920 года⁹.

Позднее выявилась еще одна причина, по которой Главное командование не смогло вовремя перенацелить часть сил Юго-Западного фронта, – прямой отказ командования Юго-Западного фронта, в первую очередь члена РВС И. В. Сталина, подчиниться директивам Главного командования и своевременно передать в оперативное подчинение командованию Западным фронтом 12-ю и 1-ю Конную армии, втянутые в бои на Львовском участке¹⁰. Поворот был выполнен, когда было уже поздно.

Кнут и пряник

В марте 1921 года М. Н. Тухачевский командовал штурмом мятежного Кронштадта, где против монопольной власти большевиков и перегибов продразверстки восстали моряки Балтийского флота, бывшие до самого последнего момента надежным оплотом большевистского переворота 1917 года.

В мае – июле 1921 года М. Н. Тухачевский назначен командующим войсками Тамбовской губернии, выполнявшими задачу окончательной ликвидации антибольшевистского восстания (антоновщины), вызванного ошибками и перегибами губернских властей при проведении продразверстки. В течение июня в результате нескольких успешных операций крупные повстанческие соединения были уничтожены или рассеяны силами специально созданной для непрерывного преследования и уничтожения партизанских отрядов сводной кавалерийской группы под командованием И. П. Уборевича, усиленной автобронепоездами. Мелкие разрозненные отряды ликвидировались силами частей боеучастков. Одновременно проводились мероприятия по выявлению и нейтрализации единичных повстанцев и им сочувствующих, изъятию имеющегося у населения на руках оружия, по восстановлению низовых органов государственной власти и по созданию устойчивой и работоспособной государственной власти на местах. В результате принятых мер, проводившихся параллельно с экономическими в рамках политики нэпа, политическими и информационно-пропагандистскими, к концу июля – началу августа 1921 года восстание было ликвидировано. Вопреки устоявшемуся за последние десятилетия мнению о том, что восстание было подавлено благодаря использованию химического оружия, его реальное применение ограничилось несколькими десятками снарядов, снаряженных смесью на основе слезоточивого газа.

На рельсы мирного строительства

5 августа 1921 года М. Н. Тухачевский приказом РВСР № 1675 назначен начальником Академии Генерального штаба, которая при нем была переименована в Военную академию Рабоче-крестьянской Красной армии (впоследствии – Военная академия РККА имени М. В. Фрунзе, ныне – учебно-научный центр Общевойсковая академия ВС РФ), где по поручению РВСР провел образовательную и административную реформы, направленные на упорядочение системы управления академией, систематизацию и обновление учебных планов с учетом текущих и перспективных потребностей Красной армии, на расширение штатов преподавателей за счет привлечения к работе фронтовиков – участников Гражданской войны, на расширение круга преподаваемых дисциплин, повышение качества высшего военного образования, улучшение бытовых условий жизни слушателей.

С января 1922 года по апрель 1924 года – командующий Западным фронтом. Помощник, а с июля 1925 года по май 1928 года – начальник Штаба РККА, член Комиссии по подготовке РККА. Принимал активное участие в проведении военной реформы 1924–1925 годов.

С 1928 года М. Н. Тухачевский – командующий войсками Ленинградского военного округа. В этот период времени он уделяет огромное внимание ракетным организациям Ленинграда и становится частым гостем в ГДЛ и ЛенГИРДе. Получив ГДЛ в наследство от своего предшественника А. И. Корка, М. Н. Тухачевский сразу же понял всю значимость и необходимость работ, проводимых ГДЛ. Для обеспечения всем необходимым он закрепляет за ГДЛ своего помощника Н. Я. Ильина, а когда уезжает на новую должность, то, для ускорения процесса снабжения организации, назначает его еще и начальником ГДЛ. В это же время, отслеживая работу ГДЛ в части разработки реактивных снарядов и ракетного мотора, он начинает ходатайствовать о предоставлении нужного объема средств, чтобы организация могла не только закончить начатые работы, но и продолжать свои исследования дальше.

С 1931 года – заместитель наркома по военным и морским делам и заместитель председателя Реввоенсовета СССР, начальник вооружений РККА (с 1931 года), с 1934 года – заместитель наркома обороны, с 1936 года – первый заместитель наркома обороны и начальник управления боевой подготовки.

М. Н. Тухачевскому принадлежит большая заслуга в техническом перевооружении советской армии, развитии новых видов и родов войск – авиации, механизированных и воздушно-десантных войск.

Реконструкция РККА

М. Н. Тухачевский сыграл важную роль в решении вопросов строительства советских вооруженных сил и их технического оснащения, предложив в конце 1920 – начале 1930-х годов советскому военно-политическому руководству собственную программу модернизации РККА, предполагавшую создание сильной авиации и бронетанковых войск, перевооружение пехоты и артиллерии, развитие новых средств связи и переправочной техники, а также систему перевода промышленности с мирных на военные рельсы.

Она представляла собой целый пакет проектных докладных записок – о реконструкции восстановительного и эксплуатационного железнодорожного дела (1929 год), об авиационном транспорте (1929 год), о гражданской авиации (1930 год), о щитовых автомобильных дорогах (1930 год), о развитии гражданской авиации (1930 год), о саперных частях (1930 год), о мобилизации промышленности (1930 год), о производстве артиллерийских орудий и снарядов (1930 год), а также о пополнении военного флота за счет торгового (1931 год).

Основными же вводными документами, в которых были в общих чертах, в плане постановки вопроса, обозначены контуры реконструкции РККА, стали три документа – докладная записка К. Е. Ворошилову от 11 января 1930 года, первая объяснительная записка И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову от 19 июня 1930 года и вторая объяснительная записка И. В. Сталину от 30 декабря 1930 года.

Сущность концепции модернизации М. Н. Тухачевского заключалась в необходимости ассимиляции производства, которая должна представлять собой двусторонний процесс: военные производственные мощности, частично занимающиеся выпуском мирной продукции, и гражданские производства, которые путем дополнительных затрат приспособляются, в случае необходимости, к быстрому переходу на военные рельсы.

«Штаб РККА указывает на необходимость постройки многих крупнейших военных заводов, что я считаю совершенно неправильным. Военное производство может в основном базироваться на гражданской промышленности, что я и доказываю цифровыми выкладками в записках о системе мобилизации промышленности и об артиллерийской программе. Из прилагаемых записок Вам будет ясно, что в вопросах подготовки обороны я исхожу из стремления минимальных затрат в мирное время, путем изыскания способов приспособления мирной продукции и органов хозяйственно культурного строительства для целей войны»¹¹.

Предложенная М. Н. Тухачевским программа реконструкции РККА первоначально встретила непонимание среди высшего руководства страны, посчитавшего ее нереальной и фантастической. Однако впоследствии, после более детального изучения, а также в связи с изменившейся обстановкой – резким обострением военно-политической ситуации на Дальнем Востоке и на западной границе СССР – программа была принята, И. В. Сталин извинился и попросил М. Н. Тухачевского его «не ругать»¹², а самого М. Н. Тухачевского вернули из Ленинграда в центральное руководство РККА с назначением заместителем председателя РВС СССР и наркомвоенмора и начальником вооружений РККА. Была принята модель модернизации армии М. Н. Тухачевского, предполагавшая два существенных условия: ускоренность и «автаркийность».

Программа реконструкции РККА стала широко известной в последние годы благодаря астрономическому количеству самолетов и танков, которые Красной армии якобы предложено было занять – не то сто тысяч, не то пятьдесят тысяч, не то двадцать пять тысяч.

Идея о фантастичности этой программы (а как следствие – и о некомпетентности и прожектерстве ее автора) уже в наше время возникла вновь в связи с тем, что все цифры этой программы полностью выдернуты современными интерпретаторами не только из контекста, но и вообще из ее смысла.

Во-первых, М. Н. Тухачевский много раз подчеркивал, что все расчеты у него носили плано-ориентировочный характер просто для постановки самой проблемы, поскольку опирались на данные из открытых источников.

Во-вторых, изначально с пресловутыми танками и самолетами все было гораздо проще. В постановочной записке М. Н. Тухачевского отмечается, что производство танков могло быть тесно увязано с производством тракторов. Для этого сектора промышленности принималось существование пропорциональной зависимости между числом выпускаемых тракторов и танков и использовалось соотношение: один танк на каждые два трактора. Таким образом, *«при нашей программе тракторостроения в 1932/33 г. в 197.100 штук, годовую программу танков можно считать в 100.000 штук. Если считать убыль танков в год войны равной 100 % (цифра условная), то МЫ СМОЖЕМ ИМЕТЬ В СТРОЮ 50.000 ТАНКОВ. Я не имею возможности произвести подсчетов в денежном выражении постройки и содержания больших масс авиации и танков, перехода от мирного к военному времени, соответствующих сроков и пр. Приведенные данные характеризуют (по скромным показателям) – наши перспективные производственные возможности в области самолето и танкостроения и соответствующие организационные нормы РККА, каковые она неизбежно должна будет воспринимать»*¹³.

Иными словами, М. Н. Тухачевский пытался оценить максимальные, предельные производственные возможности оборонной промышленности (точнее, той, которая могла быть задействована при производстве продукции военного назначения, в данном случае – тракторо- и автомобилестроения) при ее полной загрузке в течение первого года войны. То есть 100 тысяч танков – это не танки мирного времени, то есть произведенные до войны, и не танки «перехода от мирного времени к военному», то есть выставляемые по мобилизации. Это максимальная производственная мощность, выраженная в единицах продукции. В том смысле, что больше СССР произвести будет не в состоянии, даже если захочет – промышленность не справится. Меньше – пожалуйста.

Кстати, М. Н. Тухачевский специально оговорил, что *«отмобилизованная армия никогда не представляет собой предельной мощности вооруженных сил данной страны»*¹⁴ – а именно ее он и пытался оценить.

А на цифру 50 тысяч можно вообще не обращать внимания, поскольку сам М. Н. Тухачевский считал тот коэффициент, которым пользовался при ее получении (100 % убыли танков в год), условным. Поэтому и 50 тысяч – тоже условная цифра. Сам М. Н. Тухачевский на этом коэффициенте не сильно настаивал, и, когда Б. М. Шапошников в соображениях Штаба РККА относительно программы реконструкции указал, что 100 % убыли не будет, будет 300 %, М. Н. Тухачевский настаивать не стал и предложил третий коэффициент – 200 %.

Программа реконструкции исходила из того, что этих производственных мощностей СССР сможет достигнуть к концу пятилетки, то есть к 1932/33 годам, – разумеется, в случае выполнения пятилетних планов со всеми принятыми дополнительными обязательствами, изменениями и дополнениями.

О том, что у него речь идет именно о максимальных производственных возможностях, М. Н. Тухачевский подчеркивал несколько раз. *«Масштаб развития авиационных и танковых сил правильнее всего можно определить, если исходить из производственных возможностей, а не от увеличения существующих авиа и бронесил РККА на столько-то и столько-то процентов»*¹⁵.

При этом он специально оговаривал, что все расчеты у него идут не по мирному времени, а по военному, когда продукции военного назначения требуется по определению много в связи с большой потребностью и с убылью. *«Добавлю еще только, что никаких серьезных увеличений численности армии мирного времени я не считаю возможным производить»*¹⁴. *«Выставление 50.000 танков, по моему предложению, должно произойти не в мирное время, и не по*

мобилизации, а в процессе первого года войны, т. е. из 100.000 произведенных танков около 50.000 (за вычетом танков мирного времени) пойдет на разворачивание танковых частей, и 50.000 танков на пополнение 100 % убыли»¹⁵. «Не буду повторяться на тему о том, что я в своей записке дал цифровой анализ развития массовой авиации в процессе империалистической войны, а не условий ее мобилизационного развертывания и что все предельные нормы развития нашей авиации точно также не могут быть отнесены к мирному времени»¹⁶.

Таким образом, апокалиптическая картина территории СССР, покрытой толстым слоем стремительно устаревающих на ходу легкоброневых танков, является лишь плодом буйного воображения современных интерпретаторов, и М. Н. Тухачевский не имеет к ней ни малейшего отношения.

Кроме уже описанного, М. Н. Тухачевский продолжал следить за работами и успехами Газодинамической лаборатории. Он не только подчинил ее себе, но и продолжал всячески опекать и помогать в решении любых вопросов. Независимо от ГДЛ, он обратил внимание и на работу МосГИРДа. Помогая обеим организациям и наблюдая за ними, он одним из первых понял необходимость их слияния и организации Реактивного института.

После предварительного одобрения этого предложения со стороны наркома обороны К. Е. Ворошилова по совету наркома М. Н. Тухачевский обратился к В. М. Молотову. 16 мая 1932 года он представил подробный доклад председателю Комиссии обороны СССР при Совнаркоме В. М. Молотову о целесообразности организации реактивного института «О работах по изучению и применению реактивного движения». Из него следовало, что результаты работы ГДЛ и МосГИРДа уже на тот момент давали возможность сделать выводы о серьезных практических перспективах по применению реактивного двигателя в военном деле. Однако ни средства, ни возможности, ни методы работы ГДЛ и ГИРД не обеспечивают в их настоящем виде скорейшего и полного разрешения реактивной проблемы в части ее практического приложения к военной технике. На основе имеющихся достижений была просто необходима скорейшая организация широкой научной и экспериментальной базы для продолжения этих важнейших работ в форме Реактивного института или другого какого-либо научно-исследовательского учреждения. К докладу прилагались предполагаемая тематика, примерная смета и проект постановления.

По этому докладу распоряжением председателя Комиссии обороны СССР В. М. Молотова была учреждена рабочая комиссия № 1103 по организации института в составе: Л. М. Кагановича, К. Е. Ворошилова и М. Н. Тухачевского.

В процессе работы комиссии М. Н. Тухачевский отслеживал весь этап организации РНИИ. Он сам подбирал и утверждал кандидатуры руководителей и новое штатное расписание, сделанное по его распоряжению, на основе штатного расписания ГДЛ. После организации РНИИ М. Н. Тухачевский продолжал его покровительство до мая 1937 года.

Военная наука и образование

М. Н. Тухачевский внес значительный вклад в развитие военного образования и советской военной науки, в популяризацию военных знаний.

В июне 1919 года при штабе 5-й армии по инициативе командарма был организован цикл лекций для комсостава. Тогда же при штабе также были открыты курсы старших строевых и штабных начальников с целью повышения политических и военных знаний начкомполитсостава. Позднее при штабах армии и дивизий создаются школы инструкторов-артиллеристов, кавалерийские, инженерные и другие, объединенные в октябре в единую Центральную армейскую военную школу. Опыт работы этих курсов, заинтересовавший высшее политическое руководство республики, был обобщен в докладной записке М. Н. Тухачевского заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому об использовании военных специалистов и выдвижении коммунистического командного состава по опыту 5-й армии, составленной по поручению В. И. Ленина¹⁷.

Военно-научное общество (ВНО) Западного фронта при активном участии М. Н. Тухачевского с привлечением в первую очередь молодых краскомов – участников Гражданской войны стало первым в Красной армии фронтовым (окружным) ВНО. Труды членов ВНО регулярно публиковались на страницах журнала «Революция и война», издававшегося РВС фронта. Сам М. Н. Тухачевский руководил стратегической секцией ВНО.

М. Н. Тухачевский был одним из руководителей и активным участником созданного в 1920 году ВНО Академии Генштаба. В 1924 году он был председателем Особой комиссии Правления ВНО Академии по подготовке всесоюзного съезда военно-научных обществ Красной армии (ноябрь 1924 года).

В 1924 году разработал и реализовал проект создания Курсов усовершенствования высшего комсостава при Военной академии.

М. Н. Тухачевский постоянно вел активную преподавательскую и кураторскую работу. Согласно приказу по Военной академии РККА № 222 от 13 августа 1924 года, *«постановлением РВС СССР в целях объединения руководства учебно-научной работой по Стратегии в Академиях с руководством соответствующей работой в Штабе РККА – назначен Главным руководителем по Стратегии Помощник Начальника Штаба РККА т. ТУХАЧЕВСКИЙ М. Н.»*¹⁸ С 1 октября 1924 года его назначили главруком с оставлением в занимаемой должности, то есть совместителем. Зарплата ему устанавливалась в размере 75 % оклада жалования, присвоенного совмещаемой должности. А этой должности устанавливался максимальный месячный заработок – не свыше 250 руб. Приказы о продолжении совместительства издавались раз в полгода, после чего совместительство продлевалось. Согласно приказу по Военной академии РККА № 349 от 26 ноября 1925 года, заместителями главрука назначались А. А. Свечин и Н. Е. Варфоломеев¹⁹. Позже Н. Е. Варфоломеев стал первым заместителем главрука и одновременно начальником кафедры ведения операций.

С октября 1924 по 1929 год в качестве главного руководителя по стратегии всех военных вузов РККА осуществлял общее руководство преподаванием дисциплин стратегического цикла в Военной академии РККА и других вузах, разработку программ и учебных планов. В частности, при нем в цикле стратегии была выделена отдельная кафедра ведения операций, а впоследствии – экономики войны. Одновременно он читал лекции по ведению операций и истории Гражданской войны в Военной академии РККА и в других вузах, входил в состав приемных комиссий (по тактике, топографии и уставам).

Именно тем обстоятельством, что главруки обязаны были курировать преподавание дисциплин своего цикла во всех военных вузах, объясняется то обстоятельство, что время от

времени М. Н. Тухачевского видели с вводными, постановочными лекциями в самых разных вузах, в частности в Артиллерийской академии²⁰.

Вместе с М. Н. Тухачевским на трех кафедрах стратегического цикла работали С. М. Белицкий, Н. Е. Варфоломеев, А. К. Коленковский, С. Г. Лукирский, Ф. П. Шафалович, С. К. Добровольский, К. П. Невежин, К. Ю. Берендс, А. М. Вольпе, А. Х. Базаревский, Р. А. Эстрейхер-Егоров, Н. Я. Капустин и др. В этом списке обращает на себя внимание большое количество лиц, с которыми ранее М. Н. Тухачевскому уже доводилось работать вместе на фронтах Гражданской войны.

Исполнять обязанности главрука М. Н. Тухачевский официально перестал с начала 1929 года – во-первых, в связи с переводом в Ленинград на должность командующего ЛВО, во-вторых, в связи с очередной реструктуризацией системы высшего военного образования. *«Исходя из объективных условий современного состояния научной работы ВВУЗ»* штатная должность главных руководителей циклов была упразднена согласно Постановлению № 3 РВС СССР от 15 января 1929 года²¹.

Согласно приказу по Военной академии РККА № 62 от 3 апреля 1929 года²² институт главных руководителей высших военно-учебных заведений упразднялся, соответственно, с 1 марта из штата академии исключались пять должностей главных руководителей и пять должностей заместителей главных руководителей. Всем занимавшим эти должности, для кого академия была единственным и постоянным местом работы, были предложены новые штатные должности старших руководителей. Лица, работавшие в академии по совместительству, были исключены из списков академии с 1 марта, таковых оказалось трое: заместитель председателя РВС СССР С. С. Каменев, командующий войсками ЛВО М. Н. Тухачевский и начальник штаба Украинского военного округа П. П. Лебедев.

Тем не менее, несмотря на прекращение постоянной работы в академии, он продолжал следить за образовательным процессом и работой курировавшихся им в прошлом кафедр. В Ленинграде же М. Н. Тухачевский принимал участие в работе военной секции Коммунистической академии.

Инициатор создания ряда высших военных учебных заведений, в частности Военной академии Генерального штаба (ВАГШ) в 1936 году, начальником которой был назначен С. Г. Лукирский. По предложению М. Н. Тухачевского в 1925 году в составе штаба РККА было образовано Управление по исследованию и использованию опыта войн, которое объединило вопросы, связанные с военно-научной работой в РККА. М. Н. Тухачевский принимал участие в работе комиссии (под председательством К. Е. Ворошилова), разрабатывавшей и составлявшей военный отдел Большой советской энциклопедии.

Стратегия национальная и классовая

Видный военный теоретик, автор свыше 120 книг, статей и публикаций. В начале 1920 годов активно разрабатывал вопросы «классовой стратегии» на базе опыта Гражданской войны. Серия статей 1919–1921-х годов, посвященных теоретическим вопросам «классовой стратегии», а также конкретно-практическим аспектам боевой работы Красной армии на фронтах Гражданской войны издана в 1921 году в сборнике «Война классов», вызвавшем живейший отклик и бурную полемику на страницах тогдашней военно-научной печати²³.

Разработчик теорий «таранной стратегии» и «последовательных операций» на базе боевого опыта Восточного и Кавказского фронтов Гражданской войны, а также Польской кампании 1920 года, теоретически обоснованных в «Походе за Вислу» (1923), «Вопросах высшего командования» (1924) и др. Положения этих теорий легли в основу концепции глубокой наступательной операции, предложенной В. К. Триандафилловым («Размах операций современных армий» (1926) и «Характер операций современных армий» (1929). Впоследствии к ее доработке подключились и другие советские военные деятели, в том числе К. Б. Калиновский, Г. С. Иссерсон, Н. Е. Варфоломеев, П. И. Вакулич и др. и, разумеется, сам М. Н. Тухачевский. Председатель комиссии по разработке Временного полевого устава РККА (1924), член уставных комиссий по выработке Полевого устава 1929 года (ПУ-29), Полевого устава 1936 года (Временный ПУ-36), а также других нормативно-уставных документов.

Как военный деятель и теоретик уделял большое внимание прогнозированию характера будущей войны («Будущая война», 1928, совместно с IV управлением штаба РККА; «Новые вопросы войны», 1-я ред., 1932–1933 и др.) и разработке военной доктрины Советского Союза.

В мае 1937 года снят с должности заместителя наркома обороны и назначен на должности командующего Приволжским военным округом и члена военного совета ПриВО.

Незаконно арестован 22 мая 1937 года, расстрелян 12 июня 1937 года. Реабилитирован 31 января 1957 года.

Источники и комментарии

¹ Сокращенный вариант опубликован: *Глушко А. В.* Неизвестный Лангемак. Конструктор «Катюш». М., 2012. С. 148–162.

² См.: Письмо М. Н. Тухачевского Председателю Революционного Военного Совета Республики. От июля 1919 года. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 4. Л. 201–208 об.

³ Прик. РВСР № 167: 1919 г.; *Сборник* лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М.: Госвоениздат, 1926.

⁴ РГВА. Сборник приказов РВСР, 1919 год. Цит. по: *В боях* рожденная. Боевой путь 5-й армии: Сб. документов. Иркутск, 1985. С. 152.

⁵ Приказ РВСР № 371 от 28 декабря 1919 года. Цит. по: Военно-исторический журнал. 1969. № 2. С. 46; *Сборник* лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М.: Госвоениздат, 1926.

⁶ Письмо М. Н. Тухачевского Л. Д. Троцкому. 22 октября 1919 года. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 4. Л. 133–134.

⁷ См., в частности: *Каменев С. С.* Борьба с белой Польшей // Военный вестник. 1922. № 12; *Тухачевский М. Н.* Поход за Вислу. М., 1923; *Шапошиников Б. М.* На Висле. К истории кампании 1920 г. М., 1924; *Триандафиллов В. К.* Взаимодействие между Западным и Юго-Западным фронтами во время летнего наступления Красной армии на Вислу в 1920 // Война и революция. 1925. Кн. 2; *Какурин Н. Е., Меликов В. А.* Война с белополяками. М., 1925; *Меликов В. А.* Марна – Висла – Смирна. М.; Л., 1928; *Егоров А. И.* Львов – Варшава. М.; Л., 1929; *Гражданская война 1918–1921. Т. 3.* Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.; Л., 1930. Примечательно, что, несмотря на большое количество критики в адрес командования Юго-Западного фронта, его представители приняли участие в дискуссии последними – книга А. И. Егорова вышла спустя девять лет после войны, а также после публикации К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная армия» (1929). Тем не менее следует отметить, что все указанные работы носили именно дискуссионный характер, когда все стороны имели равные возможности озвучивать свои позиции. В 1930-х годах такая возможность исчезла, поскольку одна из сторон стала наклеивать на оппонентов опасные политические ярлыки. Версия, оставшаяся единственной после затыкания ртов всем потенциально желающим возразить, а также их физического устранения в ходе репрессий 1937–1938 годов, была зафиксирована в Кратком курсе истории ВКП(б) 1938 года.

⁸ Письмо М. Н. Тухачевского И. В. Сталину от 2 января 1932 года. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 155. Л. 215 об. – 216. Подлинник.

⁹ См., в частности: Стенограмма выступления В. И. Ленина с политическим отчетом ЦК РКП(б) на IX конференции РКП(б) от 20 сентября 1920 года. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 44. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–36. Неправленая стенограмма. Машинопись. Опубл.: Исторический архив. 1992. № 1. С. 14–27; Стенограмма заключительного слова В. И. Ленина в прениях по политическому отчету ЦК РКП(б) на IX конференции РКП(б) от 20 сентября 1920 года. РГАСПИ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5. Л. 127–132. Неправленая стенограмма. Машинопись; Опубл.: Исторический архив. 1992. № 1. С. 27–29.

¹⁰ Запись разговора по прямому проводу Главкома с командованием фронта о передаче 1-й Конной и 12-й армий Западному фронту от 14 августа 1920 года. ЦГАСА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 177. Л. 230–233. Телеграфная лента. Опублковано: *Директивы* командования фронтов Красной армии. Т. 3. М., 1974. С. 255–256.

¹¹ Докладная записка М. Н. Тухачевского И. В. Сталину от 19 июня 1930 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 10 об. Подробнее см.: Самуэльсон Л. Красный колосс: Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001. С. 106–170.

¹² Первоначальная, резко негативная реакция И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова, широко известна. Однако публицисты часто забывают о том, какова была реакция итоговая:

«Т-щу Тухачевскому.

Копия т-щу Ворошилову.

Приложенное письмо на имя т. Ворошилова написано мной в марте 1930 г. Оно имеет в виду 2 документа: а) Вашу «записку» о развертывании нашей армии с доведением количества дивизий до 246 или 248 (не помню точно); б) «соображения» нашего штаба с выводом о том, что Ваша «записка» требует по сути дела доведения численности армии до 11 миллионов душ, что «записка» эта ввиду этого – нереальна, фантастична, не посильна для нашей страны.

В своем письме на имя т. Ворошилова, как известно, я присоединился в основном к выводам нашего штаба и высказался о Вашей «записке» резко отрицательно, признав ее плодом «канцелярского максимализма», результатом «игры в цифры» и т. п.

Так было дело два года назад.

Ныне, спустя два года, когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными, я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма – не во всем правильными.

Во-первых, ближайшее знакомство с делом показало, что цифра «11 миллионов душ» не вытекает из Вашей «записки», ибо то, что может требовать Ваша «записка» и чего она в самом деле требует – это армию в 8 миллионов душ. Конечно, 8-ми миллионная армия – тоже нереальна, не нужна и не посильна для нашей страны, по крайней мере, в ближайшие три-четыре года (не говоря уже о первой пятилетке). Но 8 миллионов все же – не 11 миллионов.

Во-вторых, несомненно, что изменившийся за последние годы характер армий, рост техники военного транспорта и развитие авиации, появление механизированных частей и соответствующая организация армии – создают совершенно новую обстановку, лишаящую старые споры о большом количестве дивизий их решающего значения. Нет нужды доказывать, что не количество дивизий, а прежде всего их качество, их насыщенность техникой будет играть отныне решающее значение. Я думаю, Вы согласитесь со мной, что 6-ти миллионной армии, хорошо снабженной техникой и по новому организованной – будет вполне достаточно для того, чтобы отстоять независимость нашей страны на всех без исключениях фронтах. А такая армия нам более или менее по силам. Мне кажется, что мое письмо на имя т. Ворошилова не было бы столь резким по тону и оно было бы свободно от некоторых неправильных выводов в отношении Вас, если бы я перенес тогда спор на эту новую базу. Но я не сделал этого, так как, очевидно, проблема не была еще достаточно ясна для меня.

Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты своего письма с некоторым опозданием.

7. V.32 г.

С ком. приветом И. Сталин».

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 2–3.

¹³ Докладная записка М. Н. Тухачевского К. Е. Ворошилову с копией начальнику Штаба РККА и начальнику вооружений РККА от 11 января 1930 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 40.

¹⁴ Докладная записка М. Н. Тухачевского на имя И. В. Сталина с копией К. Е. Ворошилову от 19 июня 1930 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 8 об.

¹⁵ Докладная записка М. Н. Тухачевского К. Е. Ворошилову с копией начальнику Штаба РККА и начальнику вооружений РККА от 11 января 1930 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 38.

¹⁶ Докладная записка М. Н. Тухачевского на имя И. В. Сталина с копией К. Е. Ворошилову от 19 июня 1930 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 9 об.

¹⁷ Доклад М. Н. Тухачевского Э. М. Складанскому, 19 декабря 1919 года. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 4. Л. 189–200. Опубликовано: *Тухачевский М. Н. Избранные произведения*: В 2 т. М.: Воениздат, 1964. Т. 1. С. 19–22.

¹⁸ Приказ по Военной Академии РККА № 222 от 13 августа 1924 года. РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 196. Л. 323–323 об.

¹⁹ Приказ по Военной Академии РККА № 349 от 26 ноября 1925 года. РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 206. Л. 230–237.

²⁰ *Грабин В. Г. Оружие победы*. М.: Политиздат, 1989. С. 55–56.

²¹ Постановление РВС СССР № 3 от 15 января 1929 года. РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 341. Л. 1.

²² Приказ по Военной Академии РККА № 62 от 3 апреля 1929 года. РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 223. Л. 106.

²³ В настоящее время понятие «классовая война» нуждается в пояснении. В терминологии времен Гражданской войны понятие «классовая война» и «Гражданская война» были синонимами. Речь идет, по существу, о социальных конфликтах внутри общества, перешедших в «горячую» фазу. К классовым войнам относились, в частности, все народные восстания начиная с древности. Им противопоставлялись войны национальные, то есть межгосударственные. На их сравнении и противопоставлении военные теоретики начала 1920-х годов и выводили особенности «классовой стратегии» на базе марксистско-ленинской методологии. Тема в начале 1920-х годов была остроактуальной, особенно среди краскомов, а ее разработка всячески приветствовалась – в частности, наркомвоенмор Л. Д. Троцкий предлагал Военной академии разработать специальный устав классовой войны в помощь европейскому пролетариату в его будущих войнах с европейской буржуазией. Представляет интерес список докладов военно-политической секции Клуба Академии Генерального штаба (прообраз будущего ВНО) от 1920 года в части, касающейся исторически характерных случаев классовых войн. Печатается с сохранением орфографии оригинала.

«ПРЕДЛАГАЕМАЯ СХЕМА ДОКЛАДОВ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ КЛУБА АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА»

1. Красная Армия

А/ Красная гвардия

а/ боевые дружины 1905 г.

б/ красная гвардия капитана Кока

в/ революционные волнения лета 1905–6 г.

г/ красная гвардия в период Керенского

д/ красная гвардия в начале Октябрьской революции

е/ красная гвардия на Украине

ж/ красная гвардия на северном Кавказе.

Примечание. Все эти темы могут быть разработаны с различных точек зрения: операции, организация, классовая структура, вооружение и т. п.

- Б/ Добровольческая Красная Армия.*
- В/ Красная Армия на основах принудительной мобилизации.*
- а/ Военно-политические вопросы.*
- б/. Военно-технические вопросы.*
- в/ Операции*
- 1/. Операции боевых соединений (фронтов и армий).*
- 2/. Интересные операции бригад, дивизий.*
- Г/. Специальные вопросы из опыта фактического строительства Красной армии (служба Генерального Штаба, Снабжение, Санитарная часть, Пополнение и т. п.).*
- 2. Революционные армии иных исторических эпох.*
- А/. Армия Кромвеля.*
- Б/. Армия великой французской революции.*
- В/. Части Гарибальди.*
- Г/. Армия Северных Штатов во время Гражданской войны Северной Америки.*
- Д/. Армия парижской коммуны.*
- 3/. Гражданская война.*
- А/. Исторически характерные случаи.*
- а/. возстание спартака*
- б/. возстание Фомы Мюнцера.*
- в/. гуситские войны.*
- г/. крестьянские войны в Германии.*
- д/. возстание Уота Тайлера.*
- е/. возстание Новгорода и Пскова.*
- ж/. войны смутного времени.*
- з/ казацкие рухы.*
- и/. возстание Стеньки Разина.*
- к/. возстание Пугачева.*
- л/. вооруженное возстание 1905–6 г.*
- м/. Гражданская война в Персии в 1907 г.*
- н/. война южного и северного Китая.*
- Б/. Гражданская война, как форма классовой борьбы.*
- В/. Формы Гражданской войны в зависимости от хозяйственной структуры и класса ведущего войну.*
- 4. Война, как историческое явление.*
- А/. Методология изучения войны.*
- а/. взгляды Энгельса.*
- б/. материалистическое понимание истории и войны.*
- Б/. Формы войны.*
- В/. Война национальная и война классовая.*
- Г/. Военная доктрина».*
- РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 6. Л. 78–79.*

Глава 2

Курган – Омск: краткая история одной «крепкой телеграфной перепалки»

Успокаивать и успокаивать, это – плохая тактика. Выходит «игра в спокойствие». А на деле у нас застой – почти развал. На сибирском фронте поставили какую-то сволочь Ольдерогге и бабу Позерна и «успокоились». Прямо позор! А нас начали бить! Мы сделаем за это ответственным РВСР, если не будут приняты энергичные меры. Выпускать из рук победу – позор...

В. И. Ленин, сентябрь 1919 г.

Я знаю, как армии трудно, но ничего – продержитесь до конца октября, когда Деникин возьмет Москву.

А. В. Колчак, сентябрь 1919 г.

К осени 1919 года Гражданская война на востоке России уже прошла критическую фазу. После тяжелых поражений под Златоустом и Челябинском белые продолжали откатываться дальше на восток. Красная армия, перевалив через Уральские горы, вошла в Западную Сибирь, которая из глубокого тыла и основной базы Верховного правителя России, адмирала А. В. Колчака превратилась в театр военных действий. Армии красного Восточного фронта, продолжая преследование противника, вышли на подступы к реке Тобол.

Бывший командующий 3-й армией белого Восточного фронта генерал-лейтенант К. В. Сахаров впоследствии вспоминал: «Моей армии пришлось отходить от Челябинска при невозможности тяжелых условиях: все время висела угроза на нашем правом фланге, почти каждый день большевикам удавалось выходить в тыл уральцам, отрезая их от линии сообщения и от Волжского корпуса. Нам приходилось проявлять огромное напряжение, чтобы парализовать эти попытки. Шли ежедневные бои, почти все части делали большие, часто форсированные переходы и сложные маневры... Так проходила в течение всего августа армия огромные пространства, отступая на восток, входя в Западную Сибирь»¹.

Бывший начальник штаба Ижевской дивизии А. Г. Ефимов, знакомый с записками К. В. Сахарова, пояснил подробности: «В то время как Уфимская и Волжская группы сдерживали противника с запада, на правом фланге завязались бои с обходившими нас с севера дивизиями красных. Сложные маневры, о которых говорит генерал Сахаров, состояли главным образом в том, что, когда одни полки или батальоны встречали обходящих красных на одном участке, позади их проходили другие части, торопившиеся на следующую позицию. Происходили беспрерывные перекаты с одной позиции на другую... Многие участники этих боев говорили, что предпочли бы, вместо этих изнуряющих передвижений, большой и кровопролитный бой»².

Нелегко давалось это наступление и победителям.

Еще 2 августа 1919 года тогдашний командующий 5-й армией М. Н. Тухачевский в разговоре по прямому проводу с командующим Восточным фронтом М. В. Фрунзе сразу же по завершении Челябинской операции, в частности, сообщил: «На фронте 27 и 35 див. и 5 дивизии противник в конце концов потерпел сильное поражение и начал отступать на восток. Одна 27 дивизия взяла свыше 5.000 пленных³, кроме того, пленных брала и 35, и 5 дивизии... У нас осталось 400.000 патронов, а на фронте 26 дивизии завязались новые упорные бои, прошу срочно направить к нам четыре миллиона патронов, иначе нельзя отвечать за случайности и неудачный исход, бои отличаются большой напряженностью и у нас и у противника гро-

мадные потери, что свидетельствует о силе огня. Этот вопрос меня страшно волнует, и я боюсь его больше Колчака»⁴.

Однако в начале сентября, в районе Петропавловска, перешли в наступление сразу три армии А. В. Колчака, ранее неоднократно разбитые, отброшенные из Поволжья в Западную Сибирь и, казалось, утратившие способность к сопротивлению. После месяца упорных боев 3-я и 5-я армии красного Восточного фронта, понеся тяжелые потери, отошли обратно за Тобол.

Спустя много лет М. Н. Тухачевский вспоминал:

«Вскоре Восточный фронт выделил из себя Туркестанский фронт, командующим которого был назначен тов. Фрунзе, а пост командующего Восточным фронтом занял Ольдерогге.

Трудно понять, где выискивал Троцкий таких людей! Человек никому не известный, в лучшем случае бездарный, – Ольдерогге сделал все от него зависящее, чтобы наше неотступное преследование Колчака сорвалось.

20 августа V армия, форсировав р. Тобол, развивала наступление на Петропавловск. Казачьи районы, вдоль правого наступающего фланга армии, заставляли принимать особые меры охраны фланга. В самом срочном порядке был сформирован Троицко-Кустанайский укрепленный район и были приняты меры к тому, чтобы, при дальнейшем наступлении сформировать Кокчетавский укрепленный район.

Главные силы V армии должны были наступать вдоль тракта Звериноголовская – Петропавловск, чем обеспечивался постоянный обход главных сил белых, которые, отступая, были прочно привязаны к железной дороге и, кроме того, такое движение обеспечивало принятие своевременных мер к ликвидации казачьих частей, в случае их формирования вдоль пути наступления правого фланга.

Однако Ольдерогге потребовал совершенно иной группировки. Главные силы армии должны были быть стянуты к железной дороге и фронтальными боями должны были теснить противника. Звериноголовский тракт должен был обеспечиваться лишь слабыми силами. Произошла крепкая телеграфная перепалка, но Ольдерогге категорически настоял на перегруппировке. Белые учли эту ошибку. Уже на подступах к Петропавловску они перешли в контрнаступление, сковали части V армии с фронта, а на правый фланг и в тыл двинули с юга две пехотные дивизии и вновь сформированную кавалерийскую группу ген. Доможирова.

Путем создания уступной группы справа V армии удалось несколько ослабить контрудар противника, но тем не менее с упорными боями в течение всего сентября ей пришлось отступить и, наконец, отойти за Тобол...

14 октября V армия, укрепившая и пополнившая свои ряды, вновь изготовилась и перешла в наступление совместно с III армией.

На этот раз группировка была проведена такая, какой требовала обстановка.

На правом фланге V армия построила свою основную ударную группировку с задачей разбить левый фланг белых и отбросить их главные силы к северу от железной дороги. Наступление развивалось очень успешно. Белые были окончательно разбиты и дезорганизованы. 27 октября Петропавловск был взят»⁵.

Эту версию, согласно которой ответственность за поражение 5-й армии под Петропавловском в сентябре 1919 года лежит на командовании фронтом и ошибки, приведшие к неудачам, были допущены не на армейском уровне, а выше, М. Н. Тухачевский рассказывал в открытой печати несколько раз.

Впервые она была достаточно пространно изложена в опубликованном в 1926 году очерке Тобольско-Петропавловской операции⁶. При этом автор специально сделал оговорку, что «за недостатком времени не мог подойти к этому вопросу с той исчерпывающей серьезностью, которая необходима при военно-исторических работах» и смотрит на данную статью как на «исторические воспоминания»⁷. В ней, помимо общего изложения хода событий, содержатся

элементы полемики с другими авторами, ранее исследовавшими эту операцию, – в частности, М. Н. Тухачевский давал подробные разъяснения по тем вопросам, которые вызывали нарекания⁸.

Второй раз она нашла свое отражение на страницах третьего тома коллективного труда «Гражданская война 1918–1921» «Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии»⁹. М. Н. Тухачевский входил в состав редакционной коллегии и, как следует из пояснений в предисловии, несколько раз осуществлял редакторскую правку.

И наконец, М. Н. Тухачевский вновь повторил ее в 1935 году в статье «На восточном фронте» в газете «Красная Звезда».

Такая версия хода первого этапа Тобольско-Петропавловской операции, причин неудач и отступления 5-й армии существовала до конца 1930-х годов, а затем была пересмотрена.

В частности, в 1939 году в Государственном военном издательстве вышел оперативно-тактический очерк всей операции В. Ф. Воробьева¹⁰. В нем также нашли свое отражение разногласия между командованием Восточного фронта и 5-й армии по вопросу о выборе главного операционного направления. Однако, поскольку к моменту появления этого очерка большинство главных руководителей Тобольско-Петропавловской операции, оказавшись «врагами народа», погибли в сталинских застенках¹¹, цензура наложила сильнейший отпечаток на содержание работы¹². Вся она целиком выдержана в стиле – благодаря мужеству и героизму рядовых красноармейцев и политработников и вопреки преступному и подозрительному командованию фронтом и 5-й армией, Рабоче-крестьянская Красная армия разбила А. В. Колчака¹³.

В 1960-х годах к первоначальной версии вернулись вновь. Именно в ее духе, уже после реабилитации маршала, излагали ход событий бывшие сослуживцы М. Н. Тухачевского по Восточному фронту¹⁴.

В историографии она продержалась до 1990-х годов¹⁵, а потом была подвергнута ревизии¹⁶. Предполагалось, что в своей версии М. Н. Тухачевский пытался переложить ответственность за собственные ошибки на фронтовое командование и преуменьшить его заслуги и с этой целью преднамеренно искажал ход событий в свою пользу – недоговаривал, преувеличивал и т. д.¹⁷ Более ранние публикации стали подвергаться критике или вовсе отвергаться как гипотетически конъюнктурные. Особенно часто в предполагаемой ангажированности подозревается сборник воспоминаний «Маршал Тухачевский» под редакцией С. М. Мельник-Тухачевской и Н. И. Корицкого.

С тех пор попытки разобрать или переосмыслить «конфликт» и чуть ли не «серьезнейший скандал» между командармом-5 и командвостом было предпринято множество, вплоть до обвинений в нарушении субординации и нежелании подчиняться приказам¹⁸. Однако разыскать пресловутую «крепкую телеграфную перепалку» и по оригинальным документам выяснить, что произошло и почему, никто из интерпретаторов нужным не посчитал.

Мы решили восстановить картину.

Задачей настоящего исследования, помимо разбора Тобольско-Петропавловской операции, является попытка реконструкции в режиме реального времени процесса принятия оперативных решений – кто, когда, какими соображениями руководствовался, поступая так или иначе, и каковы были последствия принятых решений. Для этого необходимо было заново изучить оперативные и разведывательные фронтовые, армейские и дивизионные сводки, штабную переписку, а также переговоры по прямому проводу между командующими и начальниками штабов фронта, 5-й армии, дивизий, входящих в ее состав, а также с главкомом. Мемуарная литература, а также военно-исторические работы использовались в качестве вспомогательных источников. Хронологические рамки исследования – вторая половина августа – начало сен-

тября 1919 года, то есть первый, наступательный этап операции и первые дни после начала контрнаступления белых.

Все поставленные Востфронту задачи восточный фронт имеет возможность разрешить собственными силами

Осенью 1919 года основное внимание политического и военного руководства Советской республики было приковано к событиям на юге страны и противодействию Вооруженным силам Юга России. Реввоенсовет республики и Главное командование полагали, что с точки зрения общей стратегической обстановки наиболее уязвимым и, как следствие, требующим приложения максимальных усилий следовало считать Южный фронт, где ВСЮР развивали наступление на Москву.

Следующим по степени важности был Петроградско-Псковский участок Западного фронта. Там, по оценкам Главного командования, будущие действия противника обрисовывались в виде стремления установить блокаду Петрограда. Этот участок требовал, для противодействия угрозе наступления Н. Н. Юденича, помимо усиленных вливаний пополнений в наличные части, также перебросок частей с других фронтов, в частности Восточного, который считался резервом для помощи Петрограду.

Что касается Восточного театра военных действий, то еще в конце июня 1919 года, когда Главное командование представило на утверждение план действий на юге, сопровождавшийся кратким стратегическим очерком положения на всех фронтах, в последнем было указано:

«События на Восточном фронте в последние дни ясно показывают, что сопротивление армии Колчака сломлено и что наш успех из дня в день прогрессирует. Соотношение сил наших и адмирала Колчака таково, что мы уже имеем значительный численный перевес (не менее чем 40–50 тысяч штыков). На основании донесений Восточного фронта необходимо отметить то, что наши войска Восточного фронта, невзирая на большие потери в продолжительных боях с конца февраля и до сих пор, не только не уменьшились численно, но наоборот возрастают с каждым днем. В запасных батальонах армий Восточного фронта в настоящее время числится до 30 тысяч сравнительно хорошо подготовленных бойцов. Поэтому все поставленные Востфронту задачи, а также и задачу на правом фланге, т. е. в районе оренбургского и уральского казачества до северного берега Каспийского моря, Восточный фронт имеет возможность разрешить собственными силами, не нуждаясь в усилении его за счет других боевых средств республики»¹⁹.

Таким образом, в очереди приоритетов общереспубликанского масштаба Восточный фронт отодвигался на одно из последних мест.

Дальнейший ход событий – разгром белых в ходе Златоустовской (24 июня – 13 июля 1919 года – форсирование Уфы, занятие заводов Белорецкого, Тирлянского, Юрюзанского и города Златоуста) и Челябинской (17 июля – 4 августа 1919 года – занятие Челябинска и Троицка, рассечение фронта противника на две части, одна из которых отступала в Сибирь, другая – в Туркестан) операций также давал повод для оптимизма.

16 августа 1919 года командующий Восточным фронтом В. А. Ольдерогге, сразу после вступления в должность вместо М. В. Фрунзе, направил Главнокомандующему всеми вооруженными силами республики С. С. Каменеву вполне оптимистичный рапорт о происходящем на вверенном ему участке. В нем, в частности, отмечалось: «Скорость движения 3 и 5 армий за последний период характеризуется следующими данными. 27 дивизия, разбив противника в упорных боях в районе Челябинска, прошла расстояние от Челябинска до Тобола в среднем по 15 верст в день. 29 дивизия, выступив 14 июля из района завода Уткинский Северный, вышла на р. Исеть 8 августа, т. е. покрыла расстояние около 350 верст в 24 дня, также со средней скоростью 15 верст в день. Эти данные показывают, что средняя скорость движения

за последнее время несколько не понизилась по сравнению с июньским и июльским периодами, хотя усталость несомненно росла, а тылы растягивались»²⁰.

Темпы безостановочного наступления армий Восточного фронта еще долго потом привлекали пристальное внимание военных теоретиков Красной армии.

*«Гражданская война дала яркие примеры длительных наступательных операций, которые велись при этом в своеобразных условиях, весьма отличных от условий предшествующих империалистической войны. При преследовании Колчака наши армии в 3¹/₂ месяца прошли более 2¹/₂ тысяч км, делая в среднем ежедневно 20–25 км. Казалось бы, что столь длинное наступление должно было задохнуться; однако в этой операции мы не только не видим истощения, но сталкиваемся с фактом нарастания сил. Причины кроются в возможностях пользоваться базами впереди себя: почти все необходимое, вплоть до огнеприпасов, армия находила на месте. Потери пополнялись укомплектованием из среды уральских рабочих и восставшего сибирского крестьянства. Богатые хлебом районы давали продовольствие. Склады трофейного имущества обеспечивали потребность в боеприпасах и обмундировании. В итоге красные армии оказались независимыми от своего тыла и в частности от железнодорожного подвоза. Явилась возможность, непрерывно и длительно продвигаясь вслед за отходящим противником, не только не истощаться, но, наоборот, обогащаться. Ни в каких паузах и остановках не было нужды»*²¹.

Правда, степень независимости от тыла и железнодорожного подвоза в трактовке тогдашнего заместителя Главного руководителя всех военных академий РККА по стратегии Н. Е. Варфоломеева не стоит абсолютизировать. Полной независимости не было. Особенно это касалось боеприпасов, поставки которых обеспечивал один Симбирский патронный завод, причем его продукция распределялась нормированно и централизованно с учетом потребностей не только Восточного, но и других фронтов, и полностью заменить это распределение захваченные у белых трофеи не могли. Сибирская магистраль работала на полную загрузку в обе стороны, не всегда при этом обеспечивая, в условиях нехватки паровозов, порожняка и общей слабости железных дорог вследствие разрухи, своевременность подвоза и вывоза всего необходимого. А. Поляк, характеризуя силы сторон, констатировал: *«Вооружение армии однообразное (оружие империалистической войны). Оружием, огнеприпасами, обмундированием и снаряжением армия снабжалась из полуразрушенных заводов России, а также запасами, оставшимися от империалистической войны, иногда и за счет противника. Продовольствие армии приходилось зачастую за счет местного населения»*²². Белые были в таком же, если не худшем положении, поскольку их подвоз зависел исключительно от Транссиба, на котором активно действовали красные партизаны.

Тем не менее, несмотря на определенную гиперболизацию, суть Н. Е. Варфоломеев изложил верно. А если учесть, что даже позднее, в 1920-х годах, средние темпы наступления пехоты считались от 3–5 километров²³ до 5–15 километров в сутки²⁴, то можно сказать, что Восточный фронт в 1919 году действительно поставил своего рода рекорд. Так, *«в Гражданской войне на Восточном фронте 26-я дивизия в июле 1919 г. прошла с авангардными боями 165 верст в 4 дня. В ноябре 1919 г. одна из бригад 27-й дивизии на том же Восточном фронте с помощью мобилизации местного транспорта в одни сутки покрыла 105 верст»*²⁵.

Такие темпы наступления порождали, однако, и определенные проблемы. Постепенно нарастала усталость войск, поскольку с середины июня и к моменту выхода на Тобол армии, пройдя безостановочно около 500 километров, практически не имели отдыха. Армейские тылы растянулись до Уфы. Даже дивизионные тылы ко времени выхода армий к Тоболу большей своей частью дислоцировались на линии Челябинска, а некоторые продолжали оставаться в Уфе. Штаб 5-й армии, управляя дивизиями по одному телеграфному проводу, находился в Уфе

и с переводом его ближе к линии фронта все время возникали проблемы, он смог переехать в Челябинск только в середине августа²⁶.

Штабы дивизий, не успевая перемещаться за быстро продвигающимися вперед частями, к моменту выхода на Тобол отстали от них на 40–50 километров. Все сложнее становилось обеспечение средствами связи. Еще 2 августа М. Н. Тухачевский предупредил М. В. Фрунзе: *«В дальнейшем штаб пять перейдет в Челябинск. Если вы нам не поможете морзистами и надсмотрщиками для организации контрольных станций, то мы совершенно и безнадежно потеряем с вами связь. На протяжении свыше 500 верст нет ни одной правительственной станции. Вопрос нашего продвижения на восток и организации телеграфной сети должен быть разрешен в масштабе республики. Надо учитывать, что белые не оставляют нам ни одного телеграфиста. Пока что прошу помочь средствами фронта и выслать нам 30 морзистов и 10 надсмотрщиков, тогда кое-как обслужим линию»*²⁷. М. В. Фрунзе помочь ничем не мог, поскольку сам находился в аналогичной ситуации: *«Морзистов и надсмотрщиков прислать сейчас не могу за неимением таковых. Я сам, учитывая всю катастрофичность положения со связью и за неимением других способов разрешения вопроса, ставлю (на) порядок дня вопрос о переходе штаба фронта, предполагаю направить его в Екатеринбург. Это может быть осуществлено лишь по разделении нашего фронта, после завтра с Лашевичем выезжаем в Москву для окончательного выяснения последнего вопроса»*²⁸. Нехватка технических средств, недостаток специалистов и, как следствие, регулярная потеря связи, в том числе в самое неподходящее время, были распространенным явлением в Гражданскую войну как у красных, так и у белых.

Тем не менее командование Восточным фронтом видело и представляло в центр сравнительно благополучную картину – наступление продолжается успешно, события развиваются в штатном режиме. В сравнении с другими фронтами это соответствовало действительности. И Главное командование сделало соответствующие выводы. Уже к концу августа 1919 года оно пришло к заключению, что разгромленный А. В. Колчак на серьезное сопротивление больше не способен и все, что требуется от Восточного фронта, – простое добивание.

31 августа штаб Восточного фронта оповестил командование входящих в его состав армий о предстоящих оперативных перспективах.

«Телеграмма № 02/30/315/с Командарм 5, командарм-3.

Симбирск, 31 августа. После овладения армиями Востфронта рубежом реки Ишим, что ожидается около 15 сентября, Главкомом намечена следующая перегруппировка: на Востфронте оставить одну пятую армию, усиленную 30 и 51 дивизиями третьей армии; второе: пятую армию на правах отдельной армии подчинить непосредственно Главкому. Штаб Востфронта и штаб 3 перебросить на новый юго-западный фронт. Перебросить на юго-западный фронт двадцать девятую стрелковую дивизию и бригаду десятой кавдивизии. Для урегулирования вопросов снабжения и связи с указанной перегруппировкой сегодня выезжает в Челябинск начснабвост. То же по вопросам оперативно-административным намечено в ближайшие дни командировать в штаб пять меня. В новом регионе на штабвост и штаб три ляжет работа организационного характера по созданию новых частей и переформированию существующих, для какой цели в новый район незамедлительно будет командирован помощник Кофмфронта т. Меженинов с частью штабвоста. С целью обеспечения войск нового района продовольствием намечено снабдить каждый эшелон двухнедельным запасом на время пути и кроме того месячным в запас. Кроме того, для будущего Юго-Западного фронта намечено вывести четыре маршрутных поезда с хлебом. № 315/с

*Наштабвост В. Гарф, Политком (неразб.²)»*²⁹.

² Неразборчиво. (Примеч. авт.)

Таким образом, после овладения рубежом реки Ишим Главное командование собралось сворачивать Восточный фронт, оставив против А. В. Колчака одну 5-ю армию пятидивизионного состава на правах отдельной, подчиненную непосредственно Главкому.

Затронув предысторию вопроса, следует отметить, что важную роль в принятии этого решения сыграл и В. А. Ольдерогге.

Как следует из содержания переговоров по прямому проводу М. Н. Тухачевского и М. В. Фрунзе от 12 августа, последний был против этого назначения. Причины тому пока не известны.

«Комфронта Фрунзе: ...Я назначен на Туркестанское направление. Во главе же Вашего фронта поставлен Ольдерогге. Членами ревсовета назначены Позерн и Муралов. Элиава едет со мной. Должен сказать, что относительно командования Востфронта я не был согласен. Штаб Востфронта переезжает в Уфу и Златоуст...

Командарм Тухачевский: Здравствуйтесь, тов. Фрунзе. Очень опечален Вашим уходом, так как в русское генеральство, особенно в наш момент, не верю... Вы были в центре, чем объяснить нереволюционный масштаб ведения нами войны и чем объяснить пристрастие к старой рухляди³⁰ вроде Гиттиса или Егорьева? Обоих знаю»³¹.

Это назначение стало неожиданностью и для самого В. А. Ольдерогге.

«— У аппарата Главком. Здравствуйтесь. Поздравляю Вас с назначением Командвост.

— Здравствуйтесь, Сергей Сергеевич. Благодарю Вас за поздравления. Назначение застало меня совершенно врасплох. Приложу все усилия, чтобы оправдать Ваше доверие»³².

Спустя некоторое время В. А. Ольдерогге убыл в командировку в Москву.

«Главкому. Командарм 3, 5, копия Командтурк. Симбирск 22 августа. Сего числа я отбыл в служебную командировку в Москву, сдав временное командование армиями Востфронта Наишавосту тов. Гарф. Ольдерогге, Муралов»³³.

О целях этой командировки сообщил Востфронту в лице члена РВС Б. П. Позерна в тот же день, 22 августа, военком Полевого штаба РВСР К. Х. Данишевский.

«К.Д./ Тов. Позерн. Распоряжение Главкома дано в связи с намерением перебросить штаб Востфронта на другой фронт для руководства (такового). Будет ли это сделано частью или полностью, решит совещание Главкома с Ольдерогге, который вызывается для этого (в) Москву. Наверно, штаб будет переброшен полностью. О составе армий и дальнейшей организации Востфронта будет вынесено решение (в) Москве по приезду Ольдерогге. Задача Востфронта остается прежней. Все. Данишевский.

/Б.П./ Объясните последнюю фразу, какая именно задача остается Востфронту?

/К.Д./ Я говорю об общей задаче Вост., которая не меняется в связи с переброской штаба»³⁴.

Таким образом, хотя в центре уже были близки к выработке определенного решения по вопросу о будущем Восточного фронта, но окончательно оно должно было быть принято только после приезда В. А. Ольдерогге в Москву на совещание с Главкомом. С ним хотели посоветоваться о том, каких сил («о составе армий») будет достаточно для того, чтобы добить А. В. Колчака и овладеть Западной Сибирью («Задача Востфронта остается прежней»), а что можно забрать и передать на другие фронты.

26 августа В. А. Ольдерогге из Москвы связался с В. Е. Гарфом, временно принявшим командование фронтом. Вильгельм Евгеньевич кратко доложил обстановку и рассказал о текущих делах, а Владимир Александрович — о результатах совещания с Главкомом.

«— Ольдерогге. Прежде всего скажите, что делается на фронте и все ли у вас благополучно в Симбирске. После этого уже передам Вам ряд указаний, полученных мною от Главкома.

– *Гарф. На фронте продвижение, существенного ничего. В Симбирске все благополучно. Есть непроверенное сведение, что Мироновым перехвачена желдорога между Сурой и Рузаевкой. Медленно идет 21 дивизия, несмотря на все меры. До 25 августа вечера отправлено 15 эшелонов. Нет паровозов. Задержка с переправой. Всюду разосланы ответственные толкачи.*

– *Ольдерогге. Вопрос о судьбе Востфронта сегодня получил разрешение. Управление Востфронта после овладения линией Ишима должно перейти к 5 армии на правах отдельной. Срок этому поставлен (к) середине сентября, после чего штаб фронта перебрасывается в Брянск, образуя новый Юго-Западный фронт. Штарм 3 в полном составе подлежит также переброске в этот же район. К этому же времени, т. е. к середине сентября из состава 3 армии надо выделить одну дивизию, которая также пойдет с нами. Наиболее простым был бы вывод 51 дивизии, но мне хотелось бы взять 30ю. Прошу Вас об этом переговорить с Межениновым, насколько это выгодно и в зависимости от условий создать (неразб.) для вывода 51 и 30 дивизии <...> моим заместителем по должности комфронта сегодня Ревсоветом Республики назначен командарм 3 Меженинов, а временно командармом 3 наштарм Алафузо. Передайте Меженинову, чтобы он немедленно сдал командование армией и выехал в Симбирск, откуда после установления общих оснований он немедленно поедет в Брянск вместе с том. Мураловым... Я выезжаю завтра вечером; в Симбирске будем 29-го утром. Тогда окончательно решим все»³⁵.*

В. А. Ольдерогге вернулся в Симбирск 29 августа.

«Главкому. Командарм 3 и 5. Копия: командтуркфронта. Симбирск, 29 августа. Возвратясь сего числа из служебной поездки в Москву, вступил в командование армиями Востфронта. № 04268/о. Ольдерогге, Муралов»³⁶.

Таким образом, окончательное решение о свертывании Восточного фронта было принято после того, как в центре посоветовались с В. А. Ольдерогге, для чего его специально вызывали в Москву на совещание, которое состоялось 26 августа. Так что к решению ликвидировать фронт Владимир Александрович причастен самым непосредственным образом.

Постановление РВСР о назначении С. А. Меженинова помощником командвоста и М. И. Алафузо врид. командарм-3 состоялось 26 августа³⁷. И С. А. Меженинов уехал в направлении Брянска.

Итогом этого совещания и стали решения, объявленные в приводившейся выше телеграмме начальника штаба Восточного фронта от 31 августа всем действующим армиям с разъяснением предстоящих перспектив. После овладения рубежом Ишима, которое ожидалось к 15 сентября, на Восточном фронте остается одна 5-я армия, которая на правах отдельной подчиняется Главкому, а все остальные уезжают на Юго-Западный фронт.

Таким образом, в августе 1919 года Главное командование уже не просто бросало против ВСЮР все силы, представлявшие минимально свободными на других фронтах. В центре решили, что с А. В. Колчаком уже покончено, больше он сопротивляться не будет, а потому с него достаточно простого добивания. Для этого целого фронта в составе двух армий действительно не нужно. С этой задачей вполне сможет справиться Главком сам во время, оставшееся свободным после А. И. Деникина и Н. Н. Юденича.

Сам А. В. Колчак, однако, был совершенно иного мнения относительно своих перспектив.

Один из активных участников Белого движения на Восточном фронте генерал-майор П. П. Петров впоследствии вспоминал:

«После Челябинской операции Западная армия, понесшая большие потери, но все еще не окончательно обессиленная, с боями отводилась на Курган. Скоро стало известно, что сверху решено было сосредоточивать все, что возможно, в районе Петропавловска с тем, чтобы оттуда перейти в наступление. Западной армии ставилась задача выделить в тыл не менее

4-х дивизий, а остальным задерживать движение противника. Сибирская армия, переорганизованная в 1-ю и 2-ю, должна была пополниться и подготовиться к переходу в наступление в районе Тобольска – Ялutorовска. Южнее Западной, переименованной в 3-ю, должна была собраться Степная группа с сибирскими казаками и генералом Ивановым-Риновым во главе. У красных к этому времени обозначилась угроза на Южном фронте, и они ослабили или начали ослаблять свои силы против нас. Район сосредоточения выбирался удаленный, чтобы дать возможность отведенным частям отдохнуть и пополниться, чтобы можно было ударить не с места, а с движением вперед. Конец июля и весь август прошли в подготовке к этому переходу в наступление. Предположения о том, что красные не смогут помешать сосредоточению, оправдывались, но, конечно, не все, как всегда, было выполнено, что предполагалось. Были по-прежнему большие недостатки в одежде, оружии, патронах, подводах и проч. Все же в первых числах сентября было решено перейти в наступление»³⁸.

Эти воспоминания писались спустя несколько лет после указанных событий, в 1923 году, так что некоторые неточности вполне объяснимы. К тому же не обо всех деталях их автор по должности мог быть осведомлен лично. Так, одной из идей, планировавшихся в ставке А. В. Колчака, но не реализованных, была организация наступления приблизительно от меридиана станции Лебяжье. Окончательное решение о начале Петропавловской наступательной операции было принято не в начале сентября, а в последних числах августа. Тем не менее суть П. П. Петров изложил верно. Думать о возможности еще одной попытки реванша белые начали сразу же после неудачи под Челябинском. Кроме того, они оказались правы, полагая, что красные, занятые более важными для них событиями на других фронтах, помешать им в конечном итоге не смогут.

Впоследствии факт недооценки А. В. Колчака отмечался во всех советских разборах Тобольско-Петропавловской операции, начиная с самых первых: «Форсировав р. Тобол, высшее красное командование впало в ошибку, полагая, что на Тоболе белым было нанесено поражение. Ослабление сил армии – вывод 5-й див. в резерв и даже переброска ее на другой фронт (южный) – доказывает пренебрежение к неразбитым силам белых. Уверенность в превосходстве над белыми выразилась в несвоевременной подаче резервов... Имея достоверные сведения о том, что белые готовятся дать сражение на р. Ишим, красные не принимают надлежащих мер к обеспечению своего наступления»³⁹.

Однако в августе 1919 года ситуация виделась совершенно по-другому.

Неотступное преследование

В начале августа 1919 года М. В. Фрунзе убыл в служебную командировку в Москву в Реввоенсовет республики. Его возвращение ожидалось со дня на день. Но поскольку частям армии, уже выходившим на ближние подступы к Тоболу, нужно было ставить очередные задачи, 11 августа М. Н. Тухачевский связался со штабом фронта для согласования ряда вопросов.

«Гарф. Кто просил тов. Фрунзе? За него будет говорить начальник штаба. Тов. Фрунзе еще не приехал.

– Командарм просил.

Гарф. Ну так пожалуйста, приглашайте командарма. Тов. Гарф у аппарата.

Тухачевский. У аппарата Тухачевский. Здравствуйте, тов. Гарф. Надо писать дальнейший приказ. Противник по всем признакам отошел за Тобол и мы имеем лишь конные части перед собой и небольшие арьергарды пехоты. Поэтому главными силами мы выходим на тракт Черноборье – Куртамыш – Кипельское – Кислянское, имея уступной резерв за правым флангом для связи с 35 дивизией, которая, выдвинув заслон на линию Тагузьяк – Березовский, ударной группой из бригады пехоты и конницы Каширина атакует противника на линии ст. Березинская – ст. Тамерлан и отбрасывает противника за разграничительную линию⁴⁰. Для меня все ясно, кроме разграничительной линии с 3 армией, которую я считал бы нужным провести Лебяжье – Окунецкое – озеро Гаши, что не мешает 3 армии бить по Кургану с севера. Передовым частям и охранению приказано будет выдвинуться на линию реки Тобол. Прошу указать разграничительную линию с 3 армией...

Гарф. Здравствуйте. Тов. Фрунзе придет сегодня вечером и директиву я уже подготовил. Разграничительной линией намечаю Воскресенское – завод Илецко-Иковский – Иковское, что на реке Тобол. Вопрос с поворотом третьей армии на Курган по-видимому отпадает, так как время упущено, а командарм три настаивает на недельной остановке...

Тухачевский. Вся пятая дивизия стоит в районе Воскресенское – Грязнуха – озеро Травяное и восточнее. Поэтому мне кажется и для 3 армии и для нас выгоднее иметь разграничительную линию озеро Травяное – завод Илецко-Иковский. Если можно, просил бы об утверждении...

Гарф. ...Относительно разграничительной линии могу лишь сказать, что 30-я дивизия вышла на реку Миасс раньше 5-й дивизии, которая преимущественно болталась по тылам. Задерживать же наступление сменой едва ли полезно. Впрочем, разговор о каких-нибудь десяти верстах не важен и линию проведем к общему благополучию вашему и третьей армии. Что вы предполагаете направить на Кустанай и не имеете ли сведений, где 26-я дивизия?

Тухачевский. На Кустанай пойдет отдельный отряд 35 дивизии. 26 дивизия левым флангом заняла Коровинское, точных сведений не получено благодаря скорости движения на подводах. Значит, разграничительная линия озеро Травяное – завод Илецко-Иковский. Пишу приказ.

Гарф. Ответ дам после доклада...»⁴¹

В тот же день, 11 августа, последовала фронтовая директива № 04071: «Перед 5 армией противник отходит за Тобол, прикрываясь арьергардами. Перед 3 армией на ялutorовском направлении неприятель пытается задержать наше наступление. 5 и 3 армиям продолжать неослабное преследование и не дать ему привести свои части в порядок. Ближайшими задачами ставлю: 5 армии, продолжая преследование противника, главными силами выйти на рубеж р. Тобола к югу от Белозерское, имея заслон в направлении на Кустанай. Ввиду проявления противником активности в Верхнеуральском районе командарму 5 коротким ударом бригадой пехоты со всей свободной конницей во фланг верхнеуральской группе противника оказать

поддержку левому флангу 1 армии... Разграничительной линией между 5 и 3 армиями назначено: Толстопятово–Белозерское–Отставная – все пункты для 5 армии включительно»⁴².

В развитие этой директивы 5-й армии были поставлены следующие задачи:

«Телеграмма Начдиву 35 Начдиву 26, 27, 35 Копии Командвосту, Командарм 1, командарм 3, командюжгруппы и Главкому

Гор. Уфа, 11 августа 24 час. Противник перед фронтом армии на главном направлении поспешно отходит на восток за реку Тобол, прикрываясь лишь слабыми арьергардами. Справа части первой армии расположены на прежней линии. Противник сгруппировал крупные силы преимущественно конницы и потеснил левый фланг 24-й дивизии, который отошел на линию отп. Кисельский отп. Красинский район отп. Сухтелинский. Слева третья армия успешно продвигаясь, вышла на линию реки Мияс и заняла участок от Воскресенское до Сазоновское. 27-я и 5-я дивизии, выполнив поставленную ей задачу, 10-го августа вышла на линию Маслейское ст. Мишкино – Воскресенское – Травянское Первая, о выходе 26-й дивизии на линию Пески – Кульсарино – Коровинское сведений нет. Войскам армии приказывают: первое. 35-й дивизии 12-му августа имея заслон на фронте Веринский Березовский главными силами в составе бригады пехоты и кавбригады Каширина решительно атаковать противника на фронте ст. Березинская Тамерлан и отбросить противника за разграничительную линию с 24-й дивизией. Иметь в виду в дальнейшем переброску главных сил дивизии в район Веринский Березовский. При выполнении задачи вести дальнюю разведку в юго-восточном направлении. Второе. 26-й дивизии продолжая преследование противника к 14-му августа выйти в район Светова Костылево Куртамыш, выдвинув авангард в район озера Гашиково Губаново и отдельный боковой отряд в район Усть-Уйская – Подуровский. Штаб дивизии Рыбная. Третье 27-й дивизии неотступно преследуя противника 14-му августа выйти в район Норальская – Подунская – Кипельское, выдвинув авангард в район Степная. Штаб див. ст. Мишкино. Четвертое 5-й дивизии преследуя противника по пятам 14-му августа выйти в район ст. Юргамыш – Чунеев – Могильная, выдвинув авангард в район Пименовка-Логовушка и поддерживая прочную связь с правыми фланговыми частями 30-й дивизии. Штаб див. Маякская. Пятое. Дивизиям авангардами вести интенсивную разведку противника и переправ реки Тобол, высылая отдельные разведывательные отряды и партии. Шестое. Разграничительные линии между 35-й и 26-й дивизиями Буланово – Крутоярская включительно 26 дивизии, между 26-й и 27-й дивизиями Коровинское – Непелина – Закацлово включительно 26-й дивизии, между 27-й и 5-й дивизиями Воскресенское – Карасинское – Чесноковское – Меньшиково включительно 27-й дивизии, между 5-й дивизией и 3-й армией Травянское Первое – Убиенная – зав. Илецко-Иковский и Иковское. Седьмое. Получение приказа и копии распоряжений немедленно ожидаю. НР 1335/н.

*Командарм 5 Тухачевский, Член Реввоенсовета 5 Грюнштейн, Наштаб Генштаба Ивасиов»*⁴³.

В штабе фронта эту телеграмму приняли уже 12 августа.

В этом документе обозначен следующий порядок движения пятоармейских дивизий к Тоболу. На правом фланге располагалась двухбригадная 35-я сд, которой надлежало одновременно действовать в южном направлении. Далее в полосе южнее Транссиба следовали, во-первых, трехбригадная 26-я сд, которая к 14 августа должна была выйти в район Сетово – Костылево – Куртамыш с боковым отрядом в сторону Усть-Уйской, во-вторых, ближе к Транссибу, трехбригадная же 27-я сд, которой надлежало выйти в район Падун – Кипель со штабом в Мишкино. И наконец, на левом фланге, по обе стороны Транссиба, держа связь с 3-й армией, располагалась двухбригадная 5-я сд, которая должна была выйти на линию Юргамыш – Чинеево с авангардом в сторону Пименовки – Логовушки. Таким образом, на подходе к Тоболу основная масса сил 5-й армии (все, кроме, частично, 5-й сд) двигалась южнее Транссибирской магистрали.

Стоит также отметить, что фронтовые и армейские директивы готовились практически одновременно, и все вопросы в процессе их разработки обсуждались и согласовывались заранее, до подписания всех руководящих документов, и «к общему благополучию». В данном случае так был решен, в частности, вопрос о разграничительных линиях. Во всяком случае, так было при М. В. Фрунзе.

Численность противника и его состояние к этому времени представлялись в штабе фронта следующим образом:

«Противник перед вами отходит легко, перед 3-й армией сопротивление слабое. Данные разведки 3-й армии рисуют положение противника следующим образом – от устья реки Терсюк и до Тюмени около 10 тысяч штыков. Перед остальным фронтом 3 армии и вами около 35 тысяч штыков. Все это более или менее в расстроенном состоянии»⁴⁴.

В вопросе о соотношении сил сторон имеются определенные расхождения.

По данным А. Поляка, общая численность белых, принимавших участие в боевых действиях против 5-й армии в течение всего первого периода операции, составляла: штыков – 25 тысяч, сабель – 4 тысячи, пулеметов – 200, орудий – 60⁴⁵. Н. Е. Какурин оценивал боевой состав 3-й армии в 20 510 штыков, 8610 сабель и 60 орудий⁴⁶. Со своей стороны В. Ф. Воробьев приводит данные по 5-й армии к моменту выхода к Тоболу – до 20 тысяч штыков и около тысячи сабель, «в то время как белые непосредственно на восточном берегу р. Тобол имели не более 10 000 штыков и 3000 сабель. В ближайшем тылу, в районе Моховая, белые имели около 4000 штыков (две дивизии), а в глубоком тылу в районе Петропавловска – до 8000–10 000 штыков»⁴⁷.

Боевой состав 5-й армии, по данным штаба армии, по состоянию на 15 августа: 35-я сд – штыков 4140, сабель 670; 26-я сд – штыков 6403, сабель 218; 27-я сд – штыков 6601; 5-я сд – штыков 3706, сабель 79. Итого около 20 тысяч штыков⁴⁸. В свою очередь, Н. Е. Какурин дает соотношение сил 5-й армии 22 тысячи штыков, 2 тысячи сабель при 84 орудиях против 20 тысяч. 510 штыков, 8610 сабель при 60 орудиях 3-й армии белых⁴⁹. В вопросе о численности 5-й армии Н. Е. Какурин опирается на данные А. Поляка, который дает общую численность армии к моменту выхода к реке Тобол – штыков около 22 тысяч, сабель – 2 тысячи, пулеметов 545 и орудий – 84⁵⁰.

«Ожидаю от вас активности на правом фланге...»

11 августа М. В. Фрунзе вернулся из Москвы из служебной командировки⁵¹.

«— У аппарата командарм Тухачевский. Что угодно?»

— Здравствуйте, тов. Тухачевский. Только что вернулся из Москвы и хочу сообщить Вам некоторые новости. 1-е. С (неразб.) часов четырнадцатого старый наш фронт разделяется на Восточный (Сибирский) и Туркестанский. Я назначен на Туркестанское направление. Во главе же Вашего фронта поставлен Ольдерогге. Членами ревсовета назначены Позерн и Муралов. Элиава едет со мной. Должен сказать, что относительно командования Востфронта я не был согласен. Штаб Востфронта переезжает в Уфу и Златоуст. Таким образом, я с Вами расстаюсь. На прощание хотел бы поговорить относительно действия Вашего правого фланга. Как Вы, вероятно, уже знаете, Первая армия настолько слаба, что справиться с задачей быстрого очищения орско-актюбинского района не может. Требуется активная Ваша помощь. В этих видах я (неразб.) спущу к югу до станции Кваркенской вашу разграничительную линию. Справа ожидаю самой деятельной Вашей поддержки в этом направлении. Имейте в виду, что опасаться бросать сюда свои части Вам не приходится, так как центр продолжает беспощадно нас обирать и всякую часть, хотя сколько-нибудь представляющуюся свободной, немедленно забирает к себе. 21 дивизия уже взята, а в ближайшее время возьмут еще одну с Сибирского фронта и две с Туркестанского. Вернулся из Москвы с не особенно хорошим впечатлением от дел и перспектив Южфронта, там давно надо было иметь твердую руку, а ее нет. Сообщите, что у Вас нового на фронте, да, между прочим, Локацков назначен в 3 армию. Пока все. Фрунзе.

— Здравствуйте, тов. Фрунзе. Очень опечален Вашим уходом, так как в русское генеральство, особенно в наш момент, не верю. Деление на два фронта по-моему, естественно, но мне казалось бы, что в районе Верхнеуральска должна быть образована отдельная армейская группа. Армия не справится со столькими направлениями. С одной стороны, действовать на юг необходимо, но с другой, чтобы одержать победу на Тоболе, необходимо сосредоточить крупные силы, так как, вне всякого сомнения, противник здесь постарается устроиться, подтянет кое-что свежее, и мы будем иметь новое генеральное сражение. Поэтому я и боюсь новых перемен командования, которые уже намозолили нам шею. Во всяком случае, наступать дальше, не закончив с Орско-Актюбинским районом, не совсем гладко. И, конечно, я всеми силами Вам буду помогать. У нас на фронте ничего нового и существенного: 27 дивизия заняла Щучинская 10 верст севернее станции Мишкино, взяла пленных 31-го полка, 4 пулемета. 35 дивизия начинает наступление во фланг противнику, наступающему на 24-ю дивизию. Раз 21 дивизию уводят, то разрешите сосредоточить ее в районе Шумихи — Мишкино. Она будет готова к погрузке и не будет мешать нам. Затем я просил уже передать в 5-ю дивизию взятую у нее временно для 21-й дивизии мотоциклетную команду. Она почти лишена средств связи. Затем очень прошу ускорить присылку к нам наряженных в Уральском округе двухсот велосипедов. Тухачевский.

— Относительно Вашей мысли о создании верхнеуральской группы должен сказать следующее. Я уже решил объединить 24 и 20 дивизию для выполнения этой задачи, причем в нач. группы предполагал прибывшего в мое распоряжение Хвесина. Как Вы думаете, не будет ли целесообразным временно подчинить ему и бригаду 35 дивизии, или же Вы справитесь и так? Очень рад, что и в данном случае мы, оказалось, с Вами мыслили одинаково. Ваши просьбы сейчас же постараюсь выполнить. Дальнейшее наступление развиваться будет, я уже теперь постараюсь сделать все, чтобы никакие сюрпризы в смысле изменения линии фронтового командования Вас не постигли. Фрунзе.

– Конечно, передать бригаду 35-ой Хвесину было бы естественно, но так как мы все-таки наступаем на восток, то это слишком свяжет мне руки, лучше уже я сам, пользуясь желдорогами, постараюсь двинуться и сбросить противника на Орск. Тов. Хвесин способный человек, прошу ему передать привет. Вы были в центре, чем объяснить нереволюционный масштаб ведения нами войны и чем объяснить пристрастие к старой рухляди вроде Гиттиса и Егорьева? Обоих знаю. Тухачевский.

– На Ваш последний вопрос затрудняюсь дать короткий ответ. Вокруг него в центре кипит скрытая и полускрытая борьба, в общем и целом, к сожалению, до сих пор не приведшая к ясности и твердости в решении вопросов о командном составе. Может, как-нибудь придется увидаться, тогда расскажу подробнее или же узнаете об этом еще скорее от товарища Позерна. Пока, всего доброго, привет Ивану Никитичу. Фрунзе.

– Иван Никитич выехал в Москву на совещание, Сибирсков, вероятно, завтра-послезавтра будет у Вас. До свидания. Желаю всего наилучшего. Тухачевский.

– Спасибо. Фрунзе»⁵².

В данном разговоре следует обратить внимание на ряд моментов.

Во-первых, М. В. Фрунзе, будучи еще действующим командующим Восточным фронтом, просил М. Н. Тухачевского оказать ему в дальнейшем активную помощь на туркестанском направлении. С этой целью 5-й армии специально собирались снизить разграничительную линию, растянув на юг правый фланг на участке 35-й сд. В данном случае М. В. Фрунзе действовал в интересах уже и будущего Туркестанского фронта. Поскольку он не был уверен в возможностях своего левого фланга, ему требовалась поддержка. При этом он дал М. Н. Тухачевскому понять, что 5-я армия с этого как минимум ничего не потеряет, потому что иначе войска все равно заберут. М. Н. Тухачевский согласился. В данном случае речь, разумеется, идет не о «просьбе по дружбе», хотя в ходе совместной работы на Восточном фронте у М. В. Фрунзе и М. Н. Тухачевского установились хорошие отношения не только служебные. Об этом же свидетельствует и тональность вышеприведенного разговора, который на определенном этапе вышел за рамки сугубо делового и принял неофициальный характер с элементами критики обоими действиями высшего руководства, что возможно только между людьми, доверяющими друг другу. Однако в данном случае дело в другом. Дополнительное усиление на стыке с потенциально слабым соседом было в интересах и 5-й армии, страховкой от возможных неприятностей с той стороны.

Во-вторых, М. Н. Тухачевскому, при понимании необходимости действовать на юг, явно не нравилась идея дальнейшего продвижения 5-й армии на восток до тех пор, пока не будет очищен от противника Орско-Актюбинский район. Это означало сохранение потенциальной угрозы в тылу и на правом фланге, который неизбежно должен был еще растягиваться по мере продвижения на восток на главном направлении.

В-третьих, М. Н. Тухачевский ожидал впереди «генерального сражения» – либо удара противника от линии Тобола, либо, во всяком случае, его серьезного сопротивления на естественном оборонительном рубеже с привлечением свежих частей из тыла – и тогда армии предстояло прорывать заранее подготовленную оборону.

«Генерального сражения» тогда не состоялось. 5-я армия, форсировав Тобол, сбила противника дальше на восток. Однако такие ожидания имели под собой все основания. Впоследствии бывший командующий 3-й армией белых генерал К. В. Сахаров признался: «Западная армия была переименована в 3-ю неотдельную армию, ей была поставлена задача выделить не менее пяти дивизий в резерв, перебросить их быстро по железной дороге в тыл, пополнить и подготовить к наступлению. Сначала этим районом был назначен город Курган и река Тобол; но тяжелые бои и условия отступления 3-й армии после Челябинска не дали возможности выполнить этого; нельзя было вывести в резерв хотя бы одну дивизию, так как все части были в постоянном движении, маневрах. Возьми мы с фронта в это время в тыл хоть одну

часть, остальные не справились бы с боевыми задачами, и Западную армию постигла бы участь Сибирской»⁵³.

Еще одним свидетельством того, что в Омске действительно думали «устроиться» на Тоболе, стали воспоминания бывшего военного министра колчаковского правительства А. П. Будберга:

«Доложил адмиралу свой проект организации обороны линий рек Тобола и Ишима с использованием на это болтающихся по Омску генералов и офицеров, военных инженеров и рабочих обывательских команд. Конечно, эти линии не непроходимые преграды, но все же их надо форсировать, а главное – они дадут определенную и осязаемую линию фронта. Адмирал приказал передать этот проект в ставку для доклада ему более подробно.

Мне страшно хочется добиться, чтобы мою мысль поняли; я считаю, что наши войска в их современном состоянии не годны для полевой и маневренной войны и что для выигрыша необходимого нам времени надо перейти к обороне на укрепленной позиции. Артиллерия красных и их технические средства наступления очень слабы, и в этом наш большой плюс при обороне.

Мы потеряли устойчивость, и это надо восстановить на время укреплениями, заграждениями и применением военной техники. Единственные пригодные для обороны рубежи – это линии рек Тобола и Ишима; правда, что они не особенно сильны, но имеют много непроходимых участков, сокращающих линию фронта, а затем их надо все же форсировать, что при сохранении у нас еще довольно сильной артиллерии дает нам крупные преимущества.

При желании за 2–3 недели можно удовлетворительно укрепить эту линию, построить наблюдательные пункты, пулеметные и орудийные блиндажи, наладить связь, исправить мосты и дороги, организовать сигнализацию, пристрелять подступы и пр. и пр. Затем сейчас же отвести за эту линию все наиболее потрепанные дивизии и дать им время отоспаться, отъесться и отдохнуть; поставить их по участкам, чтобы они к ним прижились, присмотрелись, а офицеры за то же время произвели необходимые рекогносцировки, изучили слабые стороны и пр. и пр.

Применение техники должно дать возможность иметь резервы для маневра и против случайностей, развивая огневую оборону артиллерией и пулеметами.

Все же вместе взятое даст возможность остановить и потрепать неприятеля, поднять дух войск, дать им отдых, произвести необходимые реформы и выправить наше почти безнадежное положение.

*Огромным минусом для проведения моего проекта является шумиха, созданная Ивановым-Риновым с поголовным выходом сибирских казаков; вместо прежней паники здесь приподнятое фанфаронство, и от казаков ждут чуда и в него верят; при таком оптимизме разговоры об укреплении Тобола и Ишима и, что я считаю тоже нужным, Иртыша считаются паническими и даже нежелательными»*⁵⁴.

*«Смотрю на карту и наизлющим образом злюсь; если бы, вместо преступной авантюры Лебедева»⁵⁵, мы стояли бы теперь за укрепленной линией Тобола, сохранив все резервы, подняв материальное и моральное состояние отдохнувших войск и предоставив красным нападать, – как бы выгодно было наше положение. А сейчас наше положение много хуже того, что было год тому назад, ибо свою армию мы уже ликвидировали, а против нас, вместо прошлогодних совдепов и винегрета из красноармейской рвани наступает регулярная красная армия, не желающая, – вопреки всем донесениям нашей разведки, – разваливаться; напротив того, она гонит нас на восток, а мы потеряли способности сопротивляться и почти без боя катимся и катимся»*⁵⁶.

Так что ожидания командования 5-й армии были совершенно обоснованными. Просто организовать «генеральное сражение» на Тоболе белые не смогли ни в каком виде. Во-пер-

вых, им не позволили красные. Во-вторых, сказались, вероятно, противоречия среди белого командования по поводу дальнейших действий. В этой связи показательной является разница в воспоминаниях К. В. Сахарова и А. П. Будберга относительно их ближайших планов – К. В. Сахаров говорил о наступлении от линии Кургана и Тобола, А. П. Будберг – об обороне. В итоге не получилось ни того ни другого.

Разделение красных фронтов, о котором говорил М. В. Фрунзе, было оформлено директивой Главкома № 1165/ш от 11 августа. В ней Восточному фронту ставились следующие задачи: «...5. Восточному фронту продолжать уничтожение войск Колчака и овладеть Западной Сибирью. При продвижении вперед прочно закреплять за собой пройденное пространство, организуя для сего необходимые гарнизоны... 8. Востфронту теперь же вывести в мой резерв 21 дивизию и немедленно начать перевозку ее в Самару, пополнив полки не менее как до 1,5 тысяч штыков. Кроме того, Востфронту теперь же вывести в резерв не менее одной дивизии, которая должна быть сосредоточена близ железной дороги...»⁵⁷

В развитие директивы Главкома 13 августа была отдана директива по армиям Восточного фронта, повторявшая те же задачи: «...Востфронту продолжать уничтожение войск Колчака и овладеть Западной Сибирью. При продвижении вперед прочно закреплять за собой пройденное пространство организуя для сего необходимые гарнизоны... Командарму 5 теперь же вывести одну дивизию в резерв фронта расположив ее в полосе желдороги Челябинск – Курган...»⁵⁸

Вскоре последовала смена командования.

«Главкому Предревсовета Республики Троцкому по месту нахождения Командарм 3, 5 Командюжгруппы. Симбирск, 15 августа. Сего числа я вступил в командование Восточным фронтом. 04106. Командвост Ольдерогге Член РВС Позерн»⁵⁹.

«Главкому Предревсовет Респ Троцкому по месту нахождения Командарм 3, 5 Командюжгруппы Вост Командюж НачвсероглавиштабОпервоенком Уральского и Приволжского Командарм-6 Симбирск,

15 августа. Сего числа я сдал должность командвост генштаба Ольдерогге и вступил в командование Туркфронтом. Командтурк Фрунзе Член РВС Ш. Элиава»⁶⁰.

«Крепкая телеграфная перепалка»

16 августа, около десяти часов вечера, наштарм-5 Я. К. Ивасиов связался с начальником штаба фронта В. Е. Гарфом. Их разговор был посвящен главным образом вопросам перевозки 21-й сд, ранее выведенной в резерв Главкома, которую надлежало срочно отправить в новый пункт сосредоточения – Самару⁶¹, а также проблемам приобретения карт районов предстоящего наступления, налаживания связи и прочим текущим делам. В ходе переговоров Я. К. Ивасиов, между прочим, поинтересовался:

«Ивасиов/. Здравствуйте, Вильгельм Евгеньевич... Будет ли дана армии директива в течение ближайшего времени, так как фактически армия находится уже на рубеже реки Тобола от Усть-Уйская до Курган включительно, из наших сводок вы увидите подробное расположение наших войск. Но главные силы не подводятся вплотную к реке только по тактическим соображениям, идет разведка переправ и бродов. Командарм намечает главную переправу в районе Звериноголовская – Язево.

Гарф/. Здравствуйте, Яков Клементьевич... Директива сейчас подписана, идея такова – главной массой вдоль желдороги боковым отрядом по южному тракту, продолжая наступление на Кустанай, содействие 24 дивизии. В ближайшие задачи поставлено овладение узлами Пресновская и Макушина...

Ивасиов/. Сущность директивы сейчас доложу командарму...

Гарф/. Забыл еще сказать, что по директиве вы должны вывезти в район Кургана одну дивизию в резерв фронта...»⁶²

Обращает на себя внимание время разговора, проставленное на сохранившемся в архиве бланке, – 22 час. 5 мин. Таким образом,

16 августа в десять часов вечера фронтовая директива была уже разработана и подписана, но либо еще не отправлена в штаб армии, либо находилась в процессе прохождения. Во всяком случае, в штарме ее не только не получали, но даже и не знали о ее существовании, поскольку Я. К. Ивасиов поинтересовался, будет ли она вообще.

Таким образом, начальник штаба 5-й армии Генерального штаба Я. К. Ивасиов в крайне общих чертах узнал о содержании фронтовой директивы еще до ее получения.

Бывший капитан царской армии, окончивший ускоренный курс Николаевской академии, он был достаточно грамотным в военном отношении человеком для того, чтобы заметить, что в части, касающейся направления движения главных сил, она существенно отличалась от того, что собирались делать в 5-й армии. О том, что какое-то решение у армейского командования в том или ином виде уже оформилось, говорит упоминание Я. К. Ивасиова о том, что «командарм намечает главную переправу в районе Звериноголовская – Язево». Фронтовая директива предполагала движение главных масс 5-й армии по Транссибу, а в планах армейского командования было двинуть их по Звериноголовскому тракту, то есть гораздо южнее. Я. К. Ивасиов должен был доложить об этом командарму, тем более что обещал это сделать.

Следует, однако, подчеркнуть, что директива – это официальный документ. Который должен содержать в себе строго определенную информацию и быть соответствующим образом структурирован. В нем должны быть очерчены общая обстановка на театре военных действий, включая смежные боеучастки, положение сторон, действия противника, обозначены цели и ожидаемый результат предстоящей операции, в общих чертах поставлены задачи частям, сформулированы дополнительные требования в случае их наличия, проведены разграничительные линии. И наконец, он должен быть соответствующим образом оформлен за тремя или, в крайнем случае, двумя подписями – командующего, обязательно одного из членов РВС⁶³, а также начальника штаба. Без всего этого нет директивы, нет приказа, есть всего лишь разговор

информационного характера, который никого ни к чему не обязывает. Кто-то мог ошибиться, что-то не понять или понять не так – на основании таких разговоров, причем даже не командующих, а начальников штабов, без официального подтверждения в виде директивы, принимать те или иные решения никто не имел права. Так что даже если в течение временного промежутка с десяти часов вечера до трех часов ночи следующего дня Я. К. Ивасиов и успел доложить М. Н. Тухачевскому об обнаружившихся расхождениях в оперативных планах фронтового и армейского командования, последнее в любом случае должно было дожидаться официального документа. Тем более что и информация из штабфронта была лишь крайне общего характера.

Генерального штаба В. Е. Гарф, бывший полковник старой армии, тоже наверняка обратил внимание на слова Я. К. Ивасиова по поводу Звериноголовского тракта – и промолчал по тем же самым причинам. Будут документы – будет их рассмотрение, тем более что распоряжения по дивизиям, отданные в развитие фронтовой директивы, обязаны были из штаба во фронт продублировать. К тому же он в данном случае представлял вышестоящую инстанцию, чьи решения подлежали выполнению.

Директива фронта № 04147 от 16 августа выглядела следующим образом:

«Приказ армиям фронта о форсировании р. Тобол и продвижении в Западную Сибирь № 04147, г. Симбирск. 16 августа 1919 г.

Противник отходит за Тобол, не оказывая серьезного сопротивления. Нами занят Курган. Левый фланг Туркфронта должен перейти в наступление в общем направлении на Орск. Восточному фронту приказано, продолжая добывать армию Колчака, овладеть Западной Сибирью и закрепить за собой пройденное пространство. Приказываю:

1/. 5 армии: а/. продолжая преследование противника на петропавловском направлении, форсировать р. Тобол, двигая главные силы в районе Сибирской магистрали с боковым отрядом вдоль тракта Троицк – Петропавловск, имея ближайшей задачей овладение узлами ст. Пресновская, Макушино, Крепостная; б/. правофланговой группой продолжать выполнение задачи по овладению Кустанаем⁶⁴ и содействию левому флангу Туркфронта по развитию его наступления на Орск; в/. Вывести одну дивизию в резерв фронта, расположив ее в Кургане; г/. Иметь в виду слабую обеспеченность питьевой водой полосы от Тобола до Петропавловска.

2/. 3 армии: а/. продолжая самое энергичное преследование противника на ишимском направлении, форсировать Тобол, имея ближайшей задачей главными силами армии овладеть узлом путей ст. Омутинское; б/. с целью обеспечения левого фланга всего Восточного фронта от попыток противника использовать для боевых целей систему Оби и Иртыша в кратчайший срок овладеть районом Тобольск – устье р. Тавды силами около бригады и принять все меры к розыску и вооружению плавучих средств и к использованию их с указанной целью; в/. ударной группе 3 армии быть постоянно на уступе вперед по отношению к 5 армии.

3/. Преследование /вести/ сильными авангардами, использовав конницу.*

4/. /По мере продвижения/ армий вперед обеспечивать свой тыл надежными гарнизо- нами в более крупных пунктах.*

5/. Принять самые действенные меры к подтягиванию тылов как армейских, так и дивизионных.

6/. Разграничительные линии между Туркфронтом и 5 армией временно: отрог Фершампенуазский – ст. Кваркенская и между 3 и 5 армиями: Толстопятово–Белозерское–Крепостная–Частоозерское – все для 5 армии включительно.

7/. О получении настоящей директивы и отданных распоряжениях донести.

Командовост Ольдерогге, член РВС Позерн, Наштавост В. Гарф⁶⁵.

Этот документ мог поступить в штаб армии только после десяти часов вечера.

Когда же в штабе Востфронта уже семнадцатого числа получили «ответные распоряжения» (вышедшие в три часа ночи) командования 5-й армии, которые по идее должны были идти в развитие фронтовой директивы, там, вероятно, были неприятно удивлены. Потому что по

замыслу армейского командования, операция по форсированию Тобола должна была выглядеть следующим образом.

«Надцивам 35, 26, 27, 5, копия командарм 1, 3, комвост и главкому Челябинск 17 августа 3 час. 10 мин.

Первое. Противник без сопротивления отошел за реку Тобол. В некоторых местах держит берег реки под огнем. В среде белых сильное разложение.

Второе. Войска армии выполнили приказ НР 1335/н. 24 двз. наступает вдоль тракта Верхнеуральск–Орск. 3 армия предполагает 18 августа форсировать р. Тобол южнее Ялуторовска.

Третье. Войскам армии приказываю форсировать р. Тобол и разбить отошедшие за нее части противника, в то же время содействуя Первой армии своим правым флангом, для чего:

а/ 35 дивизия, продолжая своей 1 бригадой наступать вдоль Орской железной дороги, выходит не позднее 21 августа на линию отр. Поляцкий от. Рымникский. 311 полком не позднее 19 августа занять грд. Кустанай. 2 бригада с приданным к ней 307 полком сосредоточить к 22 августа в районе Усть-Уйская–Звериноголовская, поддерживая связь с 26 дивизией. Подготовиться к быстрой переброске бригады по исполнении ею задачи в район грд. Троицка.

б/ 26 дивизия форсирует 19 августа р. Тобол и разбив противника к 21 августа выходит на линию оз. Глубокое–Воскресенское–Пищальная исключительно. Принимаем меры охранения правого фланга. Штадиву перейти в д. Куртамыш и включиться в правительственный провод НР 1444 Куртамыш – Введенское.

в/ 27 дивизия форсирует 19 августа р. Тобол, разбив белых, к 21 августа выходит на линию Пищальная – Розинга.

г/ 5 дивизия форсировать р. Тобол к 21 августа занимает линию Болотинская ст. Варгаши–Камышная, держа тесную связь с 3 армией.

д/ Уфимскому украйону немедленно начать переброску в г. Троицк.

Четвертое. Разграничительная линия: между Туркестанским фронтом и 35 дивизией временно отр. Фершампенуазский – ст. Кизильская, между 26 и 27 дивизиями Зазакулова–Пищальная для 27 двз. включительно, между 27 и 5 дивизиями Голицева–Утяцкое–Бондарская для 5 двз. включительно.

Пятое. Надцивам принять все меры инженерной подготовки переправ.

Шестое. Получение приказа и распоряжения телеграфируйте. НР 1349/н

Командарм 5 Тухачевский Член Ревсов Грюнштейн Наштамм Ивасиов»⁶⁶.

В штабе Востфронта, естественно, сразу же увидели, что распоряжения армейского командования сильно расходились с теми идеями, которые были заложены во фронтовой директиве.

Во-первых, основная группировка сил 5-й армии продолжала сохранять смещение к югу от Транссиба, вопреки указанию фронта, предполагавшему ее передвижку на север. 35-я сд должна была действовать на участке Троицк – отрог Рымникский – Кустанай – Усть-Уйская – Троицк, причем 2-я бригада и еще один полк должны были занять район Усть-Уйская – Звериноголовская. 26-я сд по форсировании Тобола должна была выйти в район Воскресенское – Пищальная к северу от тракта Звериноголовская – Петропавловск. 27-й сд было дано распоряжение форсировать реку в полосе между трактом и железной дорогой, разграничительная линия с 5-й сд на линии Утятского. 5-я сд должна была следовать по обе стороны Транссиба. То есть после форсирования реки группировка должна была остаться той же, что и на подходе к Тоболу, и никаких указаний на ее изменение или перенацеливание частей в директиве не содержалось.

Во-вторых, требование вывода в резерв одной дивизии, по сути, не выполнено, поскольку всем действовавшим в петропавловском направлении частям были поставлены одни и те же

задачи. Все форсируют Тобол и двигаются дальше на восток. О предстоящем выводе каких-то частей в резерв не сказано ничего.

Понятно, что директивное управление подразумевает достаточно широкую инициативу войсковых начальников, но не до такой степени, чтобы в результате искажалась или размывалась основная идея общей операции.

Армейское же командование, увидев фронтовую директиву, также наверняка было неприятно озадачено.

К моменту выхода на подступы к Тоболу главная масса 5-й армии, двигаясь южнее Транс-сиба, в течение 17–16 августа занимала следующее положение: 5-я сд действовала в полосе железной дороги, части 27-й сд вели разведку на участке Утятское – Язево, 26-я сд находилась в районе от линии Куртамыш до Усть-Уйской.

Сохранить группировку было тем более логичным с учетом просьбы М. В. Фрунзе его прикрыть, для чего он специально в свое время снизил 5-й армии разграничительную линию и высказал пожелание активнее действовать на правом фланге. Все это, очевидно, «потерялось» в процессе передачи командования от М. В. Фрунзе к В. А. Ольдерогге. Разумеется, последний имел полнейшее право составлять собственные планы, тем не менее в прошлом основные идеи все-таки согласовывались заранее.

Следует отметить, что та группировка сил, которая сложилась в 5-й армии к моменту подхода к Тоболу, сохраниться в перспективе в любом случае не могла, поскольку 5-ю сд все равно надо было убирать с боевой линии. Чтобы занять ее место, нужно было либо, при сохранении основной группировки по правому флангу, растянуть с подвижкой на север участок 27-й сд, рядом с которой двигалась еще одна армия – 3-я, либо сделать то, что предлагал фронт.

Последовало разбирательство начальников штабов⁶⁷. В тот же день, 17 августа, В. Е. Гарф затребовал Я. К. Ивасиова к аппарату.

«Гарф/. Здравствуйте, Яков Клементьевич. Начала ли погрузку 21 дивизия?»⁶⁸

/Ивасиов/. Здравствуйте, Вильгельм Евгеньевич. Приказание о начале посадки я получил сегодня⁶⁹ и сегодня же сделал распоряжения, надеюсь, что посадка начнется завтра.

/Гарф/. Необходимо торопиться во всю, и как только посадка начнется, немедленно поставьте меня в известность. Теперь по поводу вашего последнего приказа. Он расходится с нашей директивой, которую вы, наверное, получили, в следующих двух пунктах: нашим распоряжением вы должны группировать главную массу вдоль железной дороги и Петропавловский тракт прикрывать боковым отрядом. Второе. Одну дивизию вам приказано вывести в резерв, расположив ее в Кургане. Изменили ли вы в этом духе ваш приказ?»

/Ивасиов/. По поводу вывода дивизии в резерв командармом так и предрешиено вывезти 5-ю дивизию в Курган, но так как наш приказ вышел ранее вашей директивы, что было необходимо, так как войскам было необходимо в тот же день дать задачи, то 5-я дивизия уже получила направление и по-видимому командарм хочет просить, чтобы вывести дивизию по выполнению ей задачи⁷⁰. Дело в том, что форсирование Тобола как никак все же операция серьезная и чтобы не ослаблять себя в самый главный момент переправы, то пока дивизия еще не выведена, во всяком случае по этому поводу завтра доложу. Что касается направления главного удара, то это решение командарма имело в основе, кроме прочих мотивов, и кратчайшее направление на Петропавловск. Опять же ваша директива была дана после принятия решения командарма. Между прочим, командарм по этому поводу высказывался, что это не существенно, так как кажется, откуда бы то удар не поместить, все равно противник упрет.

/Гарф/. Основная идея Петропавловской операции заключается в том, чтобы сбросить противника на юг по железной дороге в безводное пространство. Вот почему мы сосредотачиваем главную массу сил фронта в полосе между обеими железными дорогами. Это дает нам выгоды чисто хозяйственные в смысле снабжения и движения по населенному району с

достаточным количеством воды. Буду ждать вашего доклада завтра днем и окончательного ответа, как будет выполнена директива фронта.

/Ивасиов/. Слышаю. Завтра доложу»⁷¹.

Таким образом, первым поводом для «перепалки» стало недоразумение – разнбой во времени при прохождении двух оперативных документов⁷².

Армейская директива оказалась подготовленной и отправленной на исполнение раньше, чем в штабе получили директиву фронтовую. Войска, стоявшие фактически на переправе, действительно не могли ждать, пока командование разберется с документами, а противник получит дополнительное время либо на уход в отрыв, либо, наоборот, на подготовку к обороне – в зависимости от намерений.

Но это, в конце концов, вопросы техники или, возможно, чьей-то «штабной культуры». Гораздо существеннее содержательная сторона вопроса.

18 августа, около девяти часов вечера, В. Е. Гарф, который накануне ждал ответа от Я. К. Ивасиова «завтра днем», снова связался со штабом 5-й армии.

«/Гарф/. Здравствуйте, Яков Клементьевич... вы обещали сообщить, каким порядком осуществляется последняя директива фронта...»

/Ивасиов/. ...Относительно выполнения вашей директивы ввиду того, что приказ войскам дан и войска выполняют приказ командарма с главным ударом по кратчайшему направлению из района севернее Звериноголовской в направлении Челябинск⁷³, докладываю, что отмена приказа об основной идее командарма есть потеря времени и /по/ местным обстоятельствам выполняется приказ, указанный командармом...

/Гарф/. Вопрос идет не об отмене приказа армии, а о соответствующих его изменениях. В таком случае комфронту придется подтвердить директиву и потребовать ее исполнения. 5 дивизия должна быть выведена в резерв и вам будет поставлен срок...

/Ивасиов/. Относительно порядка выполнения директивы вашей сейчас буду иметь доклад командарму. Я представляю себе, что произошло оттого, что ваша директива была дана позже принятого командармом решения...»⁷⁴

Представить себе, что произошло, действительно было несложно. Командование имело основания быть сильно недовольным.

Я. К. Ивасиов действительно докладывал командарму. Сохранилась рукописная записка М. Н. Тухачевского от 18 августа по этому вопросу:

«1. Удар уже начат и потому перегруппировки невозможны до его окончания.

2. Правифланговая группа (26 и 27 див), обходя левый фланг пр-ка, естественным движением выйдет на жел. дор. Пр-ка нигде не удастся сбросить, так как он упирается.

3. 5 див. как только определится исход операции будет немедленно сосредоточена в Курган. Сейчас не может быть срочной необходимости в ней как в резерве, т. к. все равно переброска 21 див. не позволит ей двигаться.

18/VIII

М. Тух(ачевский)»⁷⁵.

Таким образом, если суммировать все сказанное М. Н. Тухачевским и Я. К. Ивасиовым, который по должности начальника штаба обязан был принимать участие в разработке операции и, следовательно, знать подробности, получается следующий перечень соображений и возражений армейского командования по поводу планов фронта.

Первый пункт исходил из простого здравого смысла. Операция уже идет, и остановить ее невозможно. Следовательно, любые перегруппировки возможны уже только по ее завершении. К тому же резкое перенацеливание частей на север повлекло бы за собой либо потерю времени, либо необходимость самым абсурдным образом форсировать реку вдоль.

Исходя из пункта второго возражений самого М. Н. Тухачевского видно, что изначально сам он действительно собирался продолжать операцию, сохраняя главную массу войск на правом фланге вплоть до Петропавловска. На стартовой, сразу же ставшей спорной, армейской директиве стоит срок исполнения – к 21 августа, она была изменена до этой даты, тем не менее дальнейший замысел вычислить несложно. «Естественным движением» и «обходя левый фланг противника», находящегося в движении, выйти на железную дорогу можно, только продолжая движение по тракту, который сходил с ней в районе Петропавловска, во всех остальных случаях нужно заворачивать. Это создавало бы отступающему под прикрытием арьергардов противнику постоянную угрозу обхода слева. И наконец – этим обеспечивалась бы дополнительная защита правого фланга 5-й армии и всего фронта.

Таким образом, общеширокая операция с этого как минимум ничего не теряла. Зато с передвижки основных сил 5-й армии в полосу железной дороги и к северу от нее она ничего и не приобретала, поскольку, по мнению М. Н. Тухачевского, все равно «противника никуда не удастся сбросить».

Основная идея Петропавловской операции, как ее представил В. Е. Гарф в разговоре с Я. К. Ивасиовым, состояла в том, чтобы сбросить противника с железной дороги, к которой он был накрепко привязан по условиям коммуникаций, на юг, в безводное пространство, где его легче было бы уничтожить.

Следует отметить, что такие попытки предпринимались фронтом и ранее, причем без успеха. Об этом свидетельствуют, в частности, ранее процитированные воспоминания К. В. Сахарова и А. Г. Ефимова. Причем белым, которые эти попытки ощущали в виде постоянной угрозы на правом фланге, удавалось, хоть и с трудом, их срывать. И вот такую, ранее не давшую решительного результата схему фронт собирался продолжать.

Уже тогда М. Н. Тухачевский выражал некоторый скептицизм относительно ее успеха. Так, еще 9 августа у них с В. Е. Гарфом состоялся следующий разговор:

«Гарф/. Я себе представляю следующий план дальнейших действий: выставив на фронте Тюмен устья реки Тюрюк активный заслон из особой бригады и отряда Мрачковского всего силою до 10 тысяч штыков 29 и 30 дивизиями нанести сосредоточенный удар кратчайшим направлением на Курган. Ваши армии продолжают преследование в полосе между железной дорогой и большим трактом на Звериноголовская. Я считаю, что противник не сможет противостоять этому удару со стороны Ялуторовска. На участке Ялуторовск – Курган ударная группа будет прикрыта рекой Тобол. Если такая операция не удастся⁷⁶, то главные силы противника вынуждены будут сойти с железной дороги, а этим облегчится положение, при котором мы сможем нанести его главной группе решающий удар. Если у Вас под рукой карта и вы разобрались с моей мыслью, то не откажите высказать свое мнение?»⁷⁷

«Тухачевский/. В сущности действительно так и лично согласен с этой мыслью. Мне представляется что операция эта обязательно должна идти параллельно с сильным ударом от Верхнеуральска на Орск и левее. Можно только опасаться, что противник уже давно решил оторваться от нас на направлении Курган – Челябинск и так как имеются сведения, что перед нами противник удирает на подводах, то я думаю, противнику все же удастся сохранить за собою положение по обоим сторонам железной дороги на рубеже Тобола. Учитывая сведения о тыловых частях противника, я лично полагаю, что от Кургана на Шадринск возможна активность противника, чтобы, сдержав Третью армию, увести на подводах все, что против нас. Веду мысль к тому, что все зависит от того, как решительно и сосредоточенно 3-я армия нанесет указанный вами удар.

«Гарф/. Я не думаю, чтобы противник смог предпринять серьезные активные действия, ведь 3-й армии от Кургана меньше 80 верст, значит, вопрос может быть решен четыре дня и едва ли противник сумеет разгадать наш план»⁷⁸.

Этот удар 3-й армии тогда не состоялся, поскольку 11 августа В. Е. Гарф сообщил М. Н. Тухачевскому, что *«вопрос с поворотом третьей армии на Курган, по-видимому, отпадает, так как время упущено, а командарм три настаивает на недельной остановке»*⁴¹. А противник, как и предполагал М. Н. Тухачевский, сохранил за собой положение по обеим сторонам железной дороги, продолжив отход и уходя в отрыв.

На этот раз никаких дополнительных ударов с севера на юг не предполагалось. Очевидно, в штабе фронта считали, что будет достаточно нависания с севера ударной группы 3-й армии (*«в/д. ударной группе 3 армии быть постоянно на уступе вперед по отношению к 5 армии»*.) и параллельного преследования, чтобы столкнуть противника с железной дороги. Поэтому и отправили главную массу войск 5-й армии в район Транссиба и севернее, поближе к 3-й армии. С этой точки зрения предложенная командованием 5-й армии группировка была совершенно неуместна.

По предположению командарма-5, из этого замысла ничего не получится. Последующие события показали, что действительно не получилось. Противник на юг не сбросился. Поскольку, как и опасался М. Н. Тухачевский, белые уже давно решили уйти в отрыв, они выставили арьергарды и под их прикрытием отвели основные силы на восток к Петропавловску, на перегруппировку, пополнение и подготовку наступления.

Очевидно, такое развитие событий командованием 5-й армии вполне предполагалось, поскольку Я. К. Ивасиов со ссылкой на командарма сообщил: *«Кажется, откуда бы то удар не поместить, все равно противник упрет»*.

Пункт третий пожеланий касался 5-й сд двухдивизионного состава. Принципиальным образом против вывода ее в резерв М. Н. Тухачевский не возражал, более того, сам собирался это делать, поскольку как минимум от М. В. Фрунзе и из более ранних телеграмм уже знал, что отдавать ее все равно придется. Разумеется, это вряд ли могло устраивать армейское командование, поскольку ослабляло наличные силы армии. Но такие переброски были обычной практикой в Гражданскую войну. РККА воевала «в кольце фронтов», поэтому Главное командование, исходя из приоритетов, регулярно перебрасывало части с одного, потенциально менее опасного участка, на другой, более важный в данный момент. Такая практика имела и свои очевидные недостатки, так как могла поставить под угрозу ослабленные участки, чем противник мог воспользоваться. Тем не менее так было, и с этим приходилось считаться.

Пожелания М. Н. Тухачевского сводились к тому, чтобы задержать вывод 5-й сд в резерв до завершения операции по форсированию Тобола.

Я. К. Ивасиов пояснял: *«Дело в том, что форсирование Тобола как никак все же операция серьезная и чтобы не ослаблять себя в самый главный момент переправы, то пока дивизия еще не выведена»*. Уместно вспомнить, что еще 12 августа в разговоре с М. В. Фрунзе М. Н. Тухачевский, между прочим, сказал: *«Чтобы одержать победу на Тоболе, необходимо сосредоточить крупные силы, так как, вне всякого сомнения, противник здесь постарается устроиться, подтянет кое-что свежее и мы будем иметь новое генеральное сражение»*⁵². Сталкиваясь с возможными неприятностями пятоармейцы явно не хотели и решили придержать дивизию – на всякий случай.

Что же касается вопроса о срочности вывода 5-й сд в резерв, то в данном случае М. Н. Тухачевский всего лишь констатировал факт, который и так отлично знали в штабе фронта. Начать немедленную отправку в направлении Самары дивизия все равно бы не смогла по условиям транспорта – пришлось бы ждать окончания отправки 21-й сд, а она началась только восемнадцатого числа, сильно осложнив и без того непростую ситуацию на железных дорогах. Несмотря на все требования центра о срочности, железные дороги могли отправлять только два эшелона в сутки⁷⁹, а их на дивизию нужно было около пятидесяти. Еще 16 августа Я. К. Ивасиов докладывал В. Е. Гарфу: *«Ввиду недостатка состава сравнительно с теми мно-*

гими перевозками, которые сейчас выдерживают дорогу через Уфу, ежедневно может быть отправляемо не более двух эшелонов... В случае перевозки через Уфу докладываю об особенной трудности таковой (переправы). В настоящее время Уфа должна пропустить на фронт: первое – тылы армии, которые подтягиваются через Уфу и далее, считаю двенадцать, а примерно 12/16 эшелонов; второе – воинские грузы для дивизий, различные мелкие части и учреждения, идущие из округов, всего, по сведениям начвоса, около двадцати эшелонов; третье – штаб армии с учреждениями переходит девятью эшелонами, кроме того, учитывая перевод штаба фронта итого без штабфронта около 45 эшелонов. Назад с фронта: очередная эвакуация больных и раненых, эвакуация продовольствия и прочих грузов республики, мука, железо и прочее. Если прибавить около пятидесяти эшелонов 21 дивизии, то получится в Уфе встреча при двух неисправных переправах на расстоянии двадцать верст. Докладывая изложенное полагаю, что перевозка 21 дивизии встретит серьезное затруднение, во всяком случае, придется делать высадку в Иглино, далее походом через мосты в районе Юматово–Чимма»⁸⁰. В. Е. Гарф смирился: «Учитывая осложнения уфимских переправ, я считал, что два эшелона в сутки 21 дивизии в сутки перебросить можно и что таким образом через месяц дивизия сосредоточится в Самаре. Нужно только теперь же начать посадку, отправляя в день не более двух эшелонов»⁸¹. О ходе отправки эшелонов 21-й сд со станции Чумляк штаб фронта информировали как минимум дважды в сутки – ко времени подготовки утренних десятичасовых и вечерних шестичасовых оперативных сводок. Так что о положении дел с ней все были прекрасно осведомлены. Ее не успели полностью отправить и к началу сентября, так что оставшиеся части были впоследствии возвращены обратно на фронт, переданы командованию 5-й армии и приняли участие в сентябрьских боях в междуречье Ишима и Тобола. Так что 5-й сд в любом случае пришлось бы стоять в очереди. Конечно, ее нужно было привести в порядок, пополнить, дать людям отдохнуть, но тем не менее никакой срочности в этом вопросе действительно не было.

Аргументом, что сейчас не может быть срочной необходимости в 5-й сд как в резерве, поскольку сразу она уехать все равно не сможет, М. Н. Тухачевский просто разъяснял фронту, на который постоянно давили из центра, что этот шаг объективно выполнение распоряжения Главкома не задержит, зато ее можно здесь, на месте, использовать с пользой для дела.

Пункт четвертый. Движение по Звериноголовскому тракту – удар по кратчайшему направлению.

Пункт пятый в передаче Я. К. Ивасиова выглядит обобщающе – «прочие мотивы» и «местные обстоятельства». Таковым «обстоятельством» вполне могло быть Сибирское казачье войско, на территорию которого 5-я армия заходила своим правым флангом. Тогда, в августе 1919 года, никто из участников «крепкой телеграфной перепалки» этот момент активно не обсуждал. Возможно, просто в силу его очевидности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.